Константин Костинов
Ксенотанское зерно
Похоже, самое время панам чубы надрать!

Константин Костинов

Ксенотанское зерно

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3945755
Ксенотанское зерно: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1227-3

Аннотация

Неспокойно в славном городе Друдене, столице Нассбергского королевства… Пахнет плесенью, слуги Грибного Короля плетут интриги против местного короля – генерала Неца, мудрого и доброго… Или нет? Или это дворяне поднимают восстание против злобного и жестокого Темного Властителя, того самого генерала Неца? Кто прав? Кто виноват? И чью сторону принять вольному крестьянину Якобу, в чьей телеге случайно спряталась молодая дворянка? А ведь всего и хотел, что зерно купить…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 18
Глава 5 23
Глава 6 27
Глава 7 32
Глава 8 37
Глава 9 42
Глава 10 47
Глава 11 52
Глава 12 57
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Константин Костинов
Ксенотанское зерно

Глава 1

В деревне Черный Холм, что раскинулась на берегу Козьей речки у города Штайнц, который находится в королевстве Нассберг, названного в честь низкой горной цепи, со склонов которой сбегает множество речек и ручьев, на чьих берегах копают знаменитую нассбергскую глину, из которой местные умельцы-гончары лепят не менее знаменитую нассбергскую посуду, в особенности кубки, из которых так хорошо пьется красное вино из виноградников Диводура, который располагается к западу от Нассберга, но не по соседству, так как между ними лежат такие государства, как королевство Фоллердрахен, славное своей сталью, маленькое баронство Кнебель, известное своими плотниками, прославленное своими медными рудниками маркграфство Штиппе, а также герцогство Цвек, в котором делают знаменитые двери из не менее знаменитого дуба, который…

Постойте, о чем это я? Ах да…

Так вот, в деревушке Черный Холм жил старик-крестьянин по имени Ганс. Жил не сказать, чтобы плохо, для труженика нет ничего невозможного. Пахал землю, продавал зерно на ярмарках. Отремонтировал и запустил старую мельницу, которая вот уже несколько десятков лет стояла заброшенная. Высадил чудесный яблоневый сад. Построил дом – высокий, трехэтажный, где стены и потолок были исчерчены темными балками. Благо, есть кому жить в этом доме.

Было у старика Ганса три сына. Все три как на подбор, каждым крестьянин гордился. Каждому есть что оставить в наследство.

Да вот только не всем удается дожить до девяноста лет. Вот и Гансу не удалось: всего шестьдесят восемь, а смерть уже на пороге.

Старый Ганс приоткрыл глаза – в последний раз взглянуть на небо. Его кровать стояла во дворе: два старших сына только что вынесли ее, чтобы отец отходил в мир иной не в темной и душной комнате, а на свету и свежем воздухе.

– Иоганн… Ты здесь… – проскрипел старик.

– Здесь, отец, здесь. – Старший сын крепко держал за руку беременную жену.

– Фриц…

– И я здесь. – Средний стряхивал мучную пыль: пшеницу деревенские жители уже сжали, обмолотили и теперь возили зерно на мельницу.

– Якоб… Якоб…

– Якоб в поле, отец. За ним уже послали.

Да, конечно, тяжелобольной в доме – очень плохо. Однако работа в деревне продолжается, и коров в поле гнать кому-то надо. Да и сидеть днями у постели отца, ожидая, когда же тот наконец испустит дух, оно как-то…

Младший сын Якоб лежал в тени прибрежной ракиты и смотрел, как облачка плывут по небу, медленно-медленно. День был тихий.

В полдень уже жарко, и коровы потянулись к реке, чтобы напиться. Пастух повесил кнут на торчащий сучок и прилег отдохнуть.

Было Якобу всего-то семнадцать лет, и отец уже давно мучил его вопросом, когда же наконец его младший женится. Когда да когда… Ну куда торопиться? Отец хотел наследни-

ков? Так вон у Иоганна жена уже вторым беременна, Фриц всего месяц как женился, того и гляди, скоро и у него сыночек появится. А Якобу торопиться некуда. Тем более что он еще… как бы… не очень точно знает, что делать с молодой женой, когда она наконец заведется.

Нет, общее направление Якобу было известно, все-таки в деревне живет, но вот опыта было мало. Очень мало. Да что там, вообще не было. Обходили Якоба девушки. И чего им, спрашивается, надо? Вроде не урод. Можно даже сказать, красавец.

Парень прополз на животе по толстому стволу, склонившемуся над рекой, и посмотрел на свое отражение.

Из воды на него глядело круглое, как лепешка, лицо, с большими глазами, чуть прикрытыми набухшими веками. Нос-картофелина, уши-лопухи, толстые губы, низкий лоб, к которому прилипли колечки волос… И все это бледно-зеленого цвета.

– А ну, кыш! – Якоб махнул кулаком. Русалка обиженно булькнула и ушла в глубину.

Жил здесь речной народ, вон там, в омуте под старой корягой. Две взрослые русалки и три молодые, совсем девчонки. Местные их не трогали: что в русалках опасного? Ну, утащит на дно, ну, утопит. Ну, сделают они из тебя рагу под жабьей икрой, ну и все. Тут главное – осторожность соблюдать: ночью к реке не подходить, пьяным да голым не купаться, если ты рыжий – всегда на шее козье копытце носи, когда к воде приближаешься, а если сапожник, то дубовый желудь. Все просто.

– Ах ты… – Якоб вскочил и начал отплевываться: мстительная русалка подкралась к задумавшемуся парню и ловко плюнула тому в рот струей пахнущей болотом и тиной воды.

– Якоб! Яко-об!

На склоне холма мелькало белое платье: к парню бежала Хильда, соседская девчонка. Вот хоть ее возьми: сколько Якоб с ней разговаривал, пряниками угощал, а она только смеется да уворачивается. Говорит, муж мой будет только солидным да богатым, а не молодым парнишкой, у которого всего и имущества, что папенька подарил.

– Якоб, ты что тут делаешь? – Девчонка с подозрением взглянула на мокрую рубаху.

– Да я… это… с русалкой…

– Некогда веселиться. Отец твой умирает, к себе зовет. Наследство будет делить.

Умирает? Якоб сорвался с места.

– Яко-об! – крикнула ему вслед Хильда. – Ты смотри, если наследство будет хорошее, я за тебя пойду-у!

Нашла время.

– Дети мои… – Отец осмотрел запыхавшегося Якоба и удовлетворенно закрыл глаза. – В наследство вам оставляю я… А где священник?

Якоб посмотрел на Фрица, Фриц – на Иоганна, тот оглядел двор. Священника не было.

– Вы что, не позвали священника? Иди… – Ганс закашлялся. – Идите за ним, бегом…

Через пять минут во дворе были и отец Вальтер и еще два крестьянина-соседа как свидетели.

– Все здесь?

– Все, все…

Три брата стояли в ряд, все молодые, крепкие, широкоплечие. Может, ростом их бог и обделил, невысоки были сыновья, ну так и сам Ганс рослым не был. Зато сразу видно – его сыновья, одинаковы, как будто близнецы. Светлые волосы пострижены коротко, как стерня в поле, круглые головы, и у всех троих одинаковые ярко-синие глаза. И упрямые лбы. Если им чего в голову взбредет, пока не сделают, не отступятся.

«Моя порода», – подумал старик.

– Иоганн, ты здесь?

– Здесь, здесь…

– Фриц, ты здесь?

– Здесь.

– Якоб?

– Здесь.

– Марта?

– Здесь, батюшка.

– А маленький Адик с тобой?

– Да.

Ганс открыл левый глаз:

– А кто на мельнице?

– На мельнице Карл, – успокоил старика Иоганн.

– Хорошо… – Ганс закрыл глаз. – Карл – хороший батрак, Иоганн, умный… Это плохо, когда батрак умный, за ним глаз да глаз нужен. Понял, Иоганн? Потому что мельницу я оставляю тебе. Ты у меня парень умный, ты справишься… Еще я тебе оставляю первые два этажа дома – у тебя семья, тебе нужно где-то жить. Поля… тоже тебе. И еще деньги… Они закопаны в горшке на мельнице. Помнишь, там старый жернов разбитый лежит? Под ним… – Старик помолчал.

– Фриц… Тебе я оставляю третий этаж дома, скотину и сад. И деньги. Они в саду закопаны…

– Отец, – Фриц потупился, – те деньги, что в саду закопаны, мы уже нашли.

Ганс открыл правый глаз:

– Под грушей?

– Нет, под яблоней.

– А, это не те… – Ганс закрыл глаз. – Твои – под грушей. Якоб…

– Да, отец.

– Тебе в наследство остается…

Дрожащая рука Ганса указала в сторону. Все посмотрели туда. На телеге, запряженной двумя жующими траву волами, сидел толстый серый кот.

– Кота? – нарушил длинную паузу священник.

Ганс открыл оба глаза и посмотрел туда же:

– Какого еще кота? Вы что, синее на зеленом, красной чернотой по желтому! Голубое с розовым и серо-бело-алое…

Все почтительно молчали. Старый Ганс был известным по всему Черному Холму мастером складывать цвета. Но сейчас он быстро выдохся, даже до бирюзового не дошел. Жаль, а то всем было интересно, что ж это за цвет-то такой. Никто не знал, а у Ганса скоро уже не спросишь.

– Не кота, – успокоился старик, – повозку с волами. Ты на земле работать не любишь, тебе дороги больше по нраву. И деньги… Под камнем у дороги закопаны. Помнишь, под тем самым, на котором мы отдыхали, я еще кувшин с молоком разбил?

– Помню, помню…

Еще бы не помнить: Ганс тогда ушел далеко за бирюзовый. Таких цветов и на свете-то нет, какие он тогда вспомнил.

– Эй, эй. – До Якоба внезапно дошло, что он остался без доли в доме. – А где я жить-то буду?

Но Ганс уже ушел в те края, в которых вопрос обеспечения жильем не заботит никого.

Якоб сидел на телеге и печально качал босыми ногами. Старого Ганса уже похоронили.

– Ты, Якоб, не думай, – хлопнул его по плечу Иоганн, – мы тебя из дома выгонять не будем. Братья мы или кто? И прибыль с мельницы и с сада мы с Фрицем уже договорились на всех делить.

– Да нет, Иоганн, отец прав. Не нравится мне на земле работать…

– Да кому нравится-то? Просто горшок, который сам кашу варит, только в сказках и видели. А раз нет такого горшка – нужно работать.

– Прав отец, – покачал головой Якоб, – мне бы на телеге да на ярмарку…

– А продавать ты что будешь? Лунный свет и комариный звон? Сначала поработать нужно, потом продавать.

– А я не продавать, я купить хочу. – Якоб мечтательно зажмурился и упал на спину.

– Что же ты хочешь купить? – Иоганн лег рядом. Братья лежали на спине и смотрели в синее небо.

– Помнишь, к нам приезжали торговцы?

– Ну помню.

– Они рассказывали о том, что в дальних странах и городах происходит…

– Что-то кажется мне, даже в самых дальних городах сдобные ватрушки на деревьях не растут и жареные куры по полям не бегают. Там тоже люди работают.

– Они рассказывали, – Якоб смотрел на облако, большое и белое, похожее на трехногую собаку с одним крылом и без хвоста, – про город Ксенотан…

– А там что, в неделе семь выходных и один рабочий?

– Нет. – Якоб повернулся на бок. – Там на полях растет волшебная пшеница. У нашей колос сам знаешь какой, сверху чуть-чуть, а потом пустая соломина.

– А там? – Вдохновенное лицо Якоба заразило даже Иоганна.

– А у ксенотанской пшеницы колос до самой земли. Представляешь, насколько больше зерна можно собрать с одного поля?

– Представляю. Как сложно будет такую пшеницу жать.

– Как жать – придумаем. Я хочу до Ксенотана доехать, купить там хоть мешок зерна этой пшеницы. Привезу, посеем… Заживем!

– Что-то кажется мне, что все это сказки. Если б такая пшеница была, ее уже давно бы повсюду сажали.

– А я думаю, не сказки. Вот привезу мешок с зерном, тогда посмотрим.

– Ну привози. Посмотрим.

Деревня Черный Холм была деревней свободных крестьян. Они не были ни крепостными, у которых ни свободы ни земли, ни арендаторами, у которых свободы – хоть ложкой ешь, а земли – хоть в сундук прячь. Плати ренту и живи как хочешь.

– Добрый день, господин староста.

Деревенский староста Беккер вышел на крыльцо:

– Добрый день, Якоб. Слышал, вы с братьями сегодня отца схоронили. Я-то в городе был с утра, только что приехал.

– Да, господин староста.

– А как наследство поделили?

– Отец перед смертью успел всем распорядиться. Иоганну – мельницу и землю, Фрицу – скот и сад, а мне – вот… – Якоб махнул рукой в сторону телеги.

– Кота?! – удивился староста.

– Какого?..

На телеге сидел и облизывался тот же кот.

– А ну брысь, красное с зеленым!

Кот задрал хвост и вальяжно двинулся по телеге.

– Телегу с волами. И вот решил я поехать в город Ксенотан…

– Это где ж такой?

– Да не знаю. В Штайнце людей поспрашиваю, там расскажут. В Штайнце все знают.

– Так тебе подорожную?

– Ну да.

Через четверть часа за пазухой у парня лежала свернутая в трубку и обернутая в пергамент бумага, в которой было написано, что он, Якоб Миллер, вольный крестьянин деревни Черный Холм, что в окрестностях города Штайнц, который в земле Унтеретюмпель, едет по торговым делами в город Ксенотан. Печать, подпись.

Через час телега с волами выехала из деревни Черный Холм. В ней сидел Якоб, одетый в лучшую одежду – черные штаны, белую рубаху, подпоясанную красным кушаком, черную жилетку с золотистой вышивкой. Сидел и покачивал босыми ногами. Сапоги, перевязанные веревкой, лежали рядом, на соломе.

Глава 2

Копыта волов (левого звали Направо, а правого – Налево) мерно ступали по дороге. Поскрипывали колеса телеги. Якоб лежал на соломе и смотрел в небо. Скоро вечер.

Парень нашарил флягу с водой. Ее подарила ему перед самым отъездом Хильда, улыбнувшись и потеребив косу. Хорошая фляга, кожаная, с медными накладками. Может, после возвращения с ксенотанским зерном взять Хильду в жены?

Якоб поднес горлышко фляги к губам. Замер. Осторожно принюхался.

Вода пахла родником и совсем немного – малиной.

«Спасибо тебе, заботливая Хильда. Вернусь – обязательно отплачу тебе добром за добро…»

Малиной пахла вода из источника Химбеере, достаточно было отпить несколько глотков – и полдня в кустах тебе обеспечено. Другой воды у Якоба не было.

Спасибо тебе, добрая Хильда.

Вот и камень, о котором говорил отец. Осталось достать деньги.

Вчера вечером Якоб еле дождался общинного поля, на котором можно было оставить на ночь волов и переночевать. Пришлось, конечно, отдать пару медяков.

Нет, можно, конечно, переночевать и в лесу. Бесплатно. Вот только здешние леса принадлежат местному властителю, барону Кройццугталу. А если он обнаружит в своих лесах непрошеных ночевщиков, то вытряхнет не только последние деньги, но и последние штаны. Дорогой выйдет бесплатная ночевка. Ничейных лесов в округе уже давно не осталось. Дальше, правда, начнется Чернолесье, но ночевать там… Лучше уж сразу на кладбище.

Рано утром Якоб выехал, и вот он уже около заветного камня. Вот только камень-то немаленький, в три обхвата. А старый Ганс позабыл уточнить, где именно около камня спрятаны деньги. Придется искать наугад…

Лопата воткнулась в землю.

– Доброе утро, парень, – окликнул Якоба проезжавший мимо крестьянин. Его волы остановились и завистливо посмотрели на пощипывающих на обочине травку волов Якоба.

– Доброе утро, уважаемый.

– Это зачем же ты камень-то обкапываешь? Думаешь, лучше расти будет?

– Да нет. – Якоб взглянул на глубокую канавку, окружившую валун уже на половину окружности. – Хочу выкопать да домой отвезти.

– Ишь ты. Это зачем же?

– Так на расплод. У меня, видишь ты, только самки, а тут смотри, – парень хлопнул по теплому боку, – настоящий самец.

– Ты уверен? – прищурился крестьянин.

– Уверен, уверен. Точно самец.

– Ну, смотри. Куда хоть за расплодом приезжать?

– В Черный Холм.

– А, знаю, знаю. Дальше по дороге. Ты кто будешь?

– Якоб. Сын старого Ганса.

– Мельника, что ли? Знаю, знаю. Как он там?

– Вчера схоронили.

– Жаль, жаль… Хороший был человек, хороший… Ну, давай копай. Бог тебе в помощь.

– Спасибо, уважаемый.

Якоб повернулся к камню…

– Кар! – сказал огромный черный ворон, нахально усевшийся прямо на «самца».

– А ну кыш, красное с зеленым!

Птица улетела. Якоб бросил ей вслед комок земли и продолжал копать.

– Уф…

Канавка вокруг валуна замкнулась. Денег не было. Или отец что-то напутал. Или деньги кто-то нашел. Или…

– Черное по желтому с лиловым…

Увидеть ворона было очень плохой приметой. Конечно, если бросить в его сторону землю, то примета не сработает. Он же бросил… Может, что-то не то? Вроде и день сегодня не постный, когда в ворона положено бросать не землей, а камнем… Или постный?

Якоб принялся было высчитывать дни – хотя когда это крестьянин путал их? – как вдруг ему вспомнились точные слова: «…Под камнем у дороги закопаны…» Не *у* камня, а *под* камнем.

Вот болван!

Якоб поудобнее обхватил камень, крякнул, чуть приподнял…

– Эй ты, зелень красная!

Парень опустил камень на место и медленно повернулся. Неужели топот копыт за спиной не почудился?

Конь – скотина дорогая, и по карману только дворянам. А крестьянину с дворянином встречаться совсем ни к чему. Правда, если ворон не был плохой приметой, то это мог оказаться и обеспеченный горожанин…

Не оказался. Ворон, чернота синяя с красным… Подгадил все-таки.

Рядом с повозкой Якоба на лохматой соловой лошади восседал дворянин. Пусть одеждой он не очень отличался от самого Якоба, видно, бедный был, а сапоги, уверенно упиравшиеся в стремена, были и вовсе точной копией Якобовых – если отвернуть голенище, там можно найти маленького черного гномика, клеймо мастера Шумахера из Штайнца. Одежда не главное…

Дворянин может быть беден как церковная мышь, может носить хоть обноски – если у него на боку шпага, ему должны подчиняться все простолюдины, даже если они детям на сладости зараз дарят больше, чем у дворянина когда-то было в кошельке.

У кого оружие, тот и властитель.

Как там в городах, Якоб не знал, но крестьянам было запрещено носить любое оружие. Даже нож. Даже топор. Дома, в сарае – держи, из дома – не выноси. Хочешь дров в лесу – ломай хворост голыми руками.

У крестьян оружия нет.

У дворянина на коне – было.

– Ты что здесь делаешь?

– Камень окапываю, господин.

– Ты что, дурак, зелень красная? Зачем он тебе?

– Хочу отнести в деревню, чтобы посмотреть, не родятся ли от него детки у моих камней, господин.

– Кто тебе сказал, что у камней бывают дети, зелень красная?

– Отец, господин.

Удар плети ожег плечо Якоба.

– Ты такой же дурак, как и твой отец, – беззлобно произнес дворянин.

– Да, господин.

– Убери своих волов, зелень красная, с *моей* дороги!

Якоб подбежал к повозке и потянул волов в сторону.

Еще один удар:

– Поживее!

Волы сошли с дороги, Якоб низко поклонился, копыта дворянского коня застучали по дороге.

Многие дворяне думают, что спина у крестьян только для одного – как можно ниже сгибаться.

Парень выпрямился, подошел к камню и отбросил его в сторону. Во вмятине виднелись следы копки. Пара взмахов лопатой – и вот он, горшок. Якоб вытряхнул маленький кулек, развернул…

Двенадцать серебряных монет. Вот это да!

– Спасибо, отец! – Якоб сжал монеты в кулаке. – Ведь этого хватит, чтобы доехать до Ксенотана. Да еще и на зерно останется. Спасибо!

Двенадцать серебряных талеров – огромные деньги.

Якоб опустил деньги в сапог. Поморщился от боли в плече. Если первый удар только разорвал жилет и рубаху, то второй рассек кожу. Нужно зашить одежду. И кровь отмыть…

Что может сделать простой крестьянин с дворянином? Впрочем, Якоб, как вольный, мог обратиться в суд. Есть в королевстве особый суд для разбирательств тяжб крестьян с дворянами. Вот только, когда волки судят спор волка с зайцем, ушастому правым не бывать.

Наверное, слишком давно не горели дворянские замки. Восстание – иногда очень хороший способ доказать дворянам, как они неправы. Правда, поднять восстание в одиночку еще никому не удавалось.

Можно, конечно, уйти в леса и стать благородным разбойником. Как Зеленый Айк, который со своими ребятами, говорят, шалит в здешних лесах. Говорят еще, что он грабит только богатых, а бедных, наоборот, оделяет деньгами.

Тут Якоб задумался. Совпадает ли его понимание слова «богатый» с пониманием Айка? Что, если благородный разбойник решит, что Якоб выглядит как раз как богатый?

Парень мысленно расцветил свое решение непременно добраться сегодня до Штайнца и заночевать не в поле в телеге под пологом, а в трактире. Деньги-то есть, можно первый раз в жизни… Теперь последнюю перед городом деревню он уже проехал, сейчас мимо телеги ползет лес. Тот самый, в котором, по слухам, и промышляет Зеленый Айк. Как-то не хотелось драться с ним и его ребятами… Вдруг он все-таки благородный?

Тут затрещали кусты, и на дорогу вывалился человек со шпагой в руках. Якоб вздрогнул…

Нет, не Айк. Он со своими молодцами ходил всегда в зеленом – оно в лесу-то и правильно, – а пришелец был одет в черное.

Черные высокие сапоги. Для поездок верхом. Мягкая кожа, тонкая подошва. Городской…

Черные штаны. Черная просторная куртка, под которой наверняка прятались разные убийственные штуки вроде ножей или маленьких арбалетов.

Якоб насторожился.

Широкополая шляпа.

Конечно, до Чернолесья далеко, да и кто их, городских, знает, может, они в таких и ходят… И все-таки уже сумерки и других примет не видно.

Черный незнакомец запрыгнул в телегу:

– Поехали!

– Да, господин. – Якоб тронул повозку.

Судя по тяжелому дыханию, кое-где порванной одежде и пропитавшимся кровью бинтам на левой руке, незнакомец выдержал тяжелый бой. Или он…

Тут рука пришельца наткнулась на флягу, так и валявшуюся в соломе: Якоб не нашел времени, чтобы вылить подсунутую Хильдой воду и набрать свежей и чистой. Парень впился глазами: пальцы черного незнакомца скользнули по медным накладкам…

Ничего не произошло.

Якоб выдохнул так шумно, что незнакомец дернулся, сжимая шпагу, но тут же расслабился и опустился на дно повозки:

– Поезжай давай. Заплачу.

Когда повозка уже приближалась к первым домам Штайнца – почти стемнело, – незнакомец спрыгнул с телеги.

– Господин заплатит? – В ответе незваного попутчика Якоб не сомневался.

– Скажи спасибо, что не заплатил сталью, – буркнул тот.

– Спасибо, господин. – Якоб потянулся к фляге, увидев неподалеку колодец.

– Стой, – остановился незнакомец. – Дай!

Он требовательно протянул руку. Якоб отдал ему флягу, незнакомец жадными глотками высосал воду до дна:

– Тьфу, и вода у вас горькая…

Бросил флягу в повозку и исчез в темноте переулка.

Якоб сполоснул флягу у колодца, набрал свежей воды и направил неторопливых волов к трактиру «Зеленый филин», названному так потому, что лет сто назад у владельца трактира жил филин. Ручной. Потом он подох, и хозяин нарисовал на вывеске филина, переименовав трактир в «Филин». А потом от дождей и солнца краски филина позеленели.

О том, кем был и куда направлялся странный попутчик, Якоб не задумывался. Что там думать: по всем ухваткам видно, что дворянин. А чем там дворяне занимаются, в какие игры играют – простому крестьянину дела нет. Тем более что, куда бы незнакомец ни направлялся, его действия на ближайшие пару дней Якоб теперь мог предугадать.

В трактире парень завел волов в сарай, вручил мелкую монетку парнишке, чтобы дал сена, и прошел в зал.

Полутемное помещение, освещаемое только висящим под потолком тележным колесом со свечками. Тяжелые столы с такими же неподъемными лавками. Народа немного – кто ночью будет засиживаться в трактире? Разве что такие, как Якоб, задержавшиеся гости, да бессонные постояльцы. Крестьяне, приехавшие продать что-нибудь на местном рынке, погонщики скота, бродячие мастеровые. Народ спокойный. Кому здесь еще быть, в тихом трактире спокойного городка: пьяницам, задирам да распутным девкам, что ли? Не на проезжей дороге стоит.

Якоб договорился о ночлеге с хозяйкой трактира, крупной пухлой женщиной в белом чепце и фартуке. Комнату выбрал совсем маленькую, как узкий ящик, только и места, что кровать встала да табурет. И полка, чтобы свечу поставить. Якоб почти положил монету в ладонь хозяйки, как тут увидел…

– Погодите, уважаемая…

Да нет, откуда…

Он наклонился пониже, приблизил свечу…

Точно.

В углу комнаты возле табурета на стене чернело пятно плесени, совсем маленькое.

– Извините, уважаемая, я здесь ночевать не буду.

Глава 3

Рука сама нашарила за пазухой висящий на нашейном шнурке медный ключик.

– Ох-хо-хо, сыночек… – Расстроенная хозяйка разглядывала черное пятно. – Надо же… И откуда? Ладно бы сыро в комнате было, но ведь сухо…

Если она хотела этими словами успокоить Якоба, то своей цели не добилась, тот занервничал еще больше. Плесень в сыром месте еще может быть случайностью, плесень в сухом – однозначно след Грибного Короля.

Хозяйка вздохнула еще раз. Штайнц расположен слишком близко к Чернолесью, чтобы она могла надеяться уговорить постояльца все-таки переночевать в комнате.

– Ладно, сыночек, пойдем, поищу другую комнатку для тебя…

Если бы Якоб выдвинул какие-нибудь другие претензии, она, конечно, устроила бы скандал и прогнала докучливого и привередливого юношу. Но не при таких обстоятельствах. Тут вообще бы без постояльцев не остаться, если кто-нибудь узнает, почему она прогоняет Якоба.

Они вышли из комнаты.

Кто-то, сидящий в зале трактира, удовлетворенно кивнул и щелкнул пальцами. Плесень исчезла.

Новая комната оказалась еще меньше предыдущей, хотя казалось, меньше некуда. Она была такой же по ширине, но короче в длину, видимо, рассчитанная на карликов с боязнью больших помещений. Но для Якоба подошла: на кровати он помещался, а длина его устраивала – сыновья старика Ганса высокими не были.

Якоб придирчиво осмотрел комнату, но плесени не нашел. Поблагодарил хозяйку, бросил котомку с вещами и решил пойти в зал, перекусить перед сном.

В зале было по-прежнему полутемно, народу немного. Три погонщика скота, тихо цедившие свое пиво, несколько крестьян и бродячих подмастерьев неопределенной профессиональной принадлежности. Еще кто-то незаметный сидел в самом углу.

– Что будет уважаемый? – к Якобу подскочила разносчица, видимо дочка хозяйки. Молоденькая, пухленькая, как раз во вкусе Якоба. Правда, неприятно напоминает проказливую Хильду, но что ж теперь, и на девушек не смотреть? Они все на Хильду похожи.

– Пиво… И мясо.

В очаге в углу зала потрескивал огонь, приятно пахло мясом и пивом, тихо разговаривали и стучали кружками посетители, сновала туда-сюда разносчицы, протирала стойку полотенцем хозяйка. Якоб оторвал зубами кусок сочного прожаренного мяса с шампура…

– Что за вонь!

В распахнутой двери стоял… стояло… стояла…

Девушка.

Или нет?

Вошедшая не походила ни на Хильду, вообще ни на одну знакомую Якобу женщину. И вообще на женщину не очень.

Девушка была худа, как будто ее не кормили последний месяц: узкие бедра, тонкие ноги, талия толщиной чуть ли не в руку. И при этом – большие груди.

И ярчайше-рыжие волосы, не пристойно спрятанные под чепчик, а огненной гривой разметавшиеся по плечам.

В зале наступила мертвая тишина.

Ладно внешность, болезни и не так обгладывают людей. Одежда.

Черная кожаная куртка, плотно обхватывающая те самые груди. Высокие сапоги на каблуках. И главное, штаны.

Ноги девушки были бесстыже одеты в черные кожаные штаны, так плотно облегавшие, что она казалась голой.

Народ замер. В таком виде на люди могла показаться только сумасшедшая.

Или дворянка.

Тут главное – не ошибиться.

Девушка зашагала к стойке, стуча каблуками сапог по доскам пола. И каблуки не широкие, устойчивые, а высокие, тонкие, как гвозди, блестящие сталью.

«Как она на них ходит? – озадачился Якоб. – Это ж все равно как акробат на ходулях на сельской ярмарке…»

Наверное, он слишком задумался и не успел отвести взгляд от сапог. Девушка, проходя мимо, резко повернулась:

– Ты чего на меня уставился? Ноги понравились?

По залу прошелестел облегченный вздох.

Не дворянка.

Если дворянина узнать легко – у него на бедре всегда висит шпага, то с дворянками сложнее. Попробуй отличи, высокородная обедневшая баронесса перед тобой или просто хамоватая крестьянка. Хотя на самом деле очень даже просто.

Дворянка *никогда* не обращает внимание на простолюдинов.

И уж тем более не станет обращать внимания на какие-то взгляды.

Для настоящей дворянки простолюдины все равно что животные. Многие из них преспокойно переодевались перед слугами, рассуждая: «Вы же не будете стесняться своей собаки или коня? Почему же к слугам нужно относиться, как к людям?»

– Ну? – рявкнула девушка, наклоняясь к Якобу. – Отвечай!

И еще одно. Дворянка не станет кричать, чтобы доказать свой статус. Он ей и так известен и доказательств не требует. Кричит только тот, кто не уверен.

– Понравились ноги? – издевательски спросила девушка, глядя прямо в глаза парню.

Странные глаза. Светло-сиреневые, прозрачные, ясные…

У людей таких не бывает.

– Нет, госпожа. – Якоб наклонил голову.

– Что? Тебе не понравились ноги? Хочешь сказать, у меня они некрасивые?!

– Нет, госпожа.

Остальные крестьяне оживленно шевелились, наблюдая округлые ягодицы девушки. Кто-то из тех, что помоложе, даже, судя по всему, намеревался подойти и познакомиться, чтобы лично убедиться в приятности и упругости выставленных напоказ округлостей. Насиловать, конечно, никто не станет, все-таки трактир и разбойничий притон – не одно и то же, но пригласить за стол, угостить кружкой-другой, невзначай потискать… Она же сама выставляет все напоказ – значит, не против. Не так ли?

Якоб смотрел в стол.

Если что-то выглядит слишком доступным – значит, ты чего-то не знаешь.

Если в незнакомом городе ты обнаружил возле колодца на центральной площади ничем не прикованный и никем не охраняемый ковшик из чистого золота – не торопись с радостными возгласами прятать его за пазуху. Люди здесь не глупее тебя, и раз до сих пор ковшик никто не унес, значит, и тебе не стоит этого делать.

Рыжая бестия выглядит доступной и беззащитной. Но она ведь не появилась на свет в дверях трактира. Раз она смогла добраться сюда, значит, может за себя постоять.

Следовательно, лучше с ней не связываться.

– Понравились?

– Да, госпожа.

– Уже небось слюни потекли?

– Нет, госпожа.

– Что ты заладил «да», «нет». Ты что, тупой?

– Да, госпожа.

– Тупой. – Довольная маленькой победой над крестьянином, рыжая девушка выпрямилась и двинулась к стойке. За ее спиной Якоб одним глотком допил пиво из кружки и вместе с мясом скрылся в дверях коридора, ведущего к его комнате.

От мест, где появились непонятные девушки, чем дальше, тем целее.

– Ух ты… – Якоб осмотрел зал трактира, к утру немного изменившийся.

Вчера он в комнате доел мясо, прислушался к происходящему в зале – было тихо, – помолился и лег спать.

Спал Якоб, как все крестьяне, крепко, поэтому изменения в зале его крайне удивили.

Из всей мебели целой осталась только стойка. Да и та покрылась глубокими царапинами. Все лавки, тяжеленные, из толстых досок, были разломаны, обломки лежали большой грудой у очага. Столы пошли трещинами, от некоторых были оторваны доски столешниц, а где и столешницы целиком. Бледная как полотно служанка подметала осколки посуды, густо усеивавшие пол.

В зале было безлюдно.

– Уважаемая, что случилось? – обратился Якоб к хозяйке.

– Что случилось, что случилось… Ты, сыночек, единственный вчера умный мужчина оказался. Остальные, как задницу этой бесстыжей девки увидали, черное с золотым вместе с красным поперек голубого, так последний разум потеряли, что еще пивом не был залит…

Якоб оказался прав. Рыжая девушка очень даже могла за себя постоять.

Нет, никто не стал бы домогаться ее силой. Но обзывать всех находящихся в зале нехорошими словами только за то, что молодой парнишка ей предложил выпить пива вместе… Вот этого делать не стоило.

Цветастые ругательства в Нассберге были придуманы вовсе не просто так. Стерпеть оскорбления нассбергцы могли бы разве что из уст дворян. И то вовсе не истина, были случаи, когда слишком разоряющемуся дворянину влетали в бок вилы или сапожный нож. Вот и ругались с давних пор нассбергцы цветами: чтобы и свои чувства высказать, и чужих не задеть.

Первым, кто решил наказать рыжую за тот грязный поток, который вылетал из ее ротика, оказался тот самый парень, с которого все и началось. Он протянул руку, чтобы бросить наглую девчонку на колени да отшлепать…

Неуловимое движение – и рука была сломана в двух местах. Завывающий парень упал на колени. Крестьяне вскочили с мест.

В зале завертелась карусель драки.

Не обычной кабацкой драки, которые случаются там, где собирается много пьяных и злых мужчин. Там все просто – все дерутся со всеми. Здесь же все нападали на одну девушку. Пытались нападать.

В центре зала как будто крутился рыжий огонь: девчонка махала руками и ногами с такой скоростью и так ловко, что нападавшие даже не успевали заметить, откуда был нанесен удар. Кулаки, пальцы, острые носки и каблуки сапог – все шло в ход, нанося урон.

Первая волна откатилась, крестьяне тяжело дышали, глядя на неуязвимую девчонку. Та выпрямилась, невозмутимо откинула назад упавшую на глаза прядь:

– Скажите спасибо! Я бы убила вас всех, если бы захотела.

Не увидев на лицах оппонентов ожидаемой благодарности, она зло оскалилась:

– Я вижу, хорошего отношения вы не цените. Ну что ж…

Тут хозяйка остановила рассказ.

– А дальше-то что было? – Якобу уже стало интересно. – Кто столы поломал?

– Дальше она сделала вот так… – Хозяйка попыталась изобразить, как именно рыжая девчонка выставила руки и стала похожа на кошку. Толстую такую, упитанную. – Вот так, значит, сделала… А потом…

Пауза.

– Потом?

– Потом заклятие выкрикнула. – Хозяйка с торжеством взглянула на Якоба. Она-то все это видела. Про убытки хозяйка уже слегка подзабыла. Что такое убытки по сравнению с такой интересной историей?

– Заклятие?! Это же значит…

Хозяйка кивнула:

– Ведьма.

Это все объясняло. И странную внешность, и одежду, и наглое поведение – ведьмы они вообще злые, и неуязвимость в драке. Вот только…

– А как же она смогла колдовать? – Якоб кивнул на стоящую на полке за стойкой деревянную статуэтку святого Аманда, худого, иссохшего, грозящего кому-то своим посохом. Кто, интересно, выбрал покровителем трактиров именно этого святого, совершенно на чревоугодника не похожего? Почему не святого Олафа?

– А никак. Перед святым ликом ни одна ведьма колдовать не может. Вот и эта пальцы погнула, покричала, а ничего. Пшик!

Хозяйка благодарно погладила святого Аманда, как будто тот ожил и лично прогнал ведьму, колотя посохом по худым ягодицам.

Якоб кивнул. Верно. Какой бы ни была сильной ведьма или колдун, там, где находится святой образ, никакое колдовство не получится.

Колдовство – оскорбление Бога. А он терпелив, но оскорблений не любит.

– Отчего она тогда колдовала? Не знала, что ли?

– Молодая еще, глупая. Мужчины решили, что теперь они с ней справятся…

Нассбергские крестьяне не испугались бы даже дракона, появись тот и начни дышать огнем. Что уж говорить о ведьме?

– Справились?

– Да где там… Тут-то мебель в ход и пошла.

Летали лавки, трещали столы под тяжестью падающих тел. Наконец крестьяне признали поражение и скрылись за дверью. Девчонка-ведьма взмахнула последней уцелевшей лавкой, разнесла ближайший стол, после чего заявила, что здесь ей разонравилось, и отправилась куда-то в другое место.

Наверное, этой ночью в городе пострадал не один трактир.

Якоб доел мясо, посочувствовал хозяйке и отправился проведать свою повозку с волами. Повезло, что сегодня выходной день, базар шумит вовсю. В большой толпе продавцов, покупателей и праздношатающихся легче будет найти человека, который знает, где находится Ксенотан и как туда добраться.

Повозка медленно катилась по булыжной мостовой, Якоб натягивал сапоги, вспоминая цвета – сапоги слегка ссохлись, и не обратил никакого внимания на сидящего на низком суку ворона.

– Кар! – сказал тот.

– Ты был прав, Берендей, – произнес кто-то, глядя в спину Якоба, – этот парень нам подойдет. Тем более что он, пусть и случайно, ввязался в нашу битву.

– Кар!

– Не думаю. Он не только силен. Он также смел и неглуп. Справится. Пойдем, нам ведь нужно направить его в нужную сторону…

– Кар! – Ворон сорвался с сука и полетел, тяжело взмахивая крыльями.
В сторону рынка.

Глава 4

Молодая девушка с тоской смотрела в маленькое зарешеченное окно. За окном была свобода.

Если честно, за ним была только высокая каменная стена, окружавшая дом. Даже если и сумеешь протиснуться в узкий проем, нужно еще выбраться за пределы двора…

Девушка с трудом представляла, что будет делать на свободе, – дворянские девушки привыкли, что о них постоянно заботятся либо родители, либо муж, – но она совершенно точно знала, что здесь ей быть не хочется.

Многие девушки мечтают о муже. Чтобы он был красивым, богатым и знатным. В идеале – принцем. Хотя, конечно, мужа для знатной девушки выбирает отец. Казалось бы, на кого может рассчитывать дочь пусть и знатного, но совсем небогатого дворянина, управляющего Штайнца? Далеко не принцесса. Совсем даже не принцесса. Появившийся жених – красавец, богач, граф казался волшебным подарком и девушке, и отцу.

Кто же знал, что в доме мужа она превратится в заложницу?

Принцы для бедной дворянки появляются только в сказках.

Тонкие пальцы ожесточенно затрясли решетку.

Что такое городской рынок для деревенского парня? Некая помесь ада и рая. Здесь толпы народа, все суетятся, кричат, суют тебе в лицо разнообразные товары, тем настойчивее, чем меньше тебе их барахло нужно. Стоят запахи, возле кузниц и мастерских и вовсе напоминающие адские, надрываются нищие, как будто они требуют не подаяние, а положенную им по закону мзду, снуют туда-сюда пронырливые людишки с острыми глазами карманников. Как топор через кисель, проходят городские стражники, изредка мелькают блестящие стволы ружей солдат, снуют служанки с корзинами, полными зелени, шествуют одетые в строгие черные костюмы священники, и можно заметить даже высокого мрачного человека, перебирающего пучки петрушки в поисках самых свежих. Якоб прошел бы мимо, но в уши ему влетел шепоток почтительно обходящих человека покупателей: «Господин городской палач…»

Услышав о палаче, Якоб решил пройти на соседнюю площадь, где народа было не меньше. А вдруг именно сегодня кого-нибудь вешают?

Виселица на самом деле не пустовала, но зрелище Якобу, в отличие от довольной толпы, не понравилось. Сегодня вешали крестьянина, который ударил дворянина.

Помощники палача – не заниматься же самому такой пустяковой работой? – сноровисто накидывали петлю на шею казнимого. Крупный крестьянин с мощными руками, связанными за спиной, стоял, ожидая смерти. Наверняка очень сильный человек, и пострадавшего дворянина не видно вовсе не потому, что он не хотел бы посмотреть на казнь своего обидчика.

Кровать очень неудобно проносить через толпу.

Сильный человек. Вот только сила одного человека ничего не значит там, где сталкивается с законом.

Якобу вспомнились слова старого Ганса. Любил тот по вечерам рассказывать сыновьям разное…

Закон – это то, что скрепляет общество для защиты от врагов, внутренних и внешних. Народ с законом – как камень. Народ без закона – песок.

Красивые и правильные слова, говорил Ганс, вот только законы пишут не всем народом. Есть люди, которые взялись эти законы писать. Писать-то обещали для всех, да только где ж таких честных найти, чтоб при этом о себе не думали. Так и получилось, что законы

пишутся только на пользу тем, кто их пишет. Не всему народу закон служит, а только тем, кто власть имеет. Те, кто законы пишет, законом в камень объединены, как жернов, а остальной народ – как зерна в мешке, без всякой сцепки. Даже самое крепкое зерно жернов всегда разотрет в муку.

Ганс, понятное дело, говорил о дворянах и крестьянах.

Якоб вернулся на рынок в подавленном настроении, но торговая суматоха быстро развеяла уныние. Парень вообще не умел долго грустить.

Тем более что на рынке было *все*!

Скот, одежда, обувь, посуда, овощи, фрукты, сласти, инструменты, игрушки, украшения, телеги…

Якоб ходил от рядов к рядам, от прилавков к прилавкам, от мастерской к мастерской и понимал, что оторваться от этой россыпи товаров не может.

Рынок гудел, передавая от человека к человеку свежие городские новости, сплетни и слухи. Самой главной новостью было появление рыжей ведьмы.

Кроме несчастного «Зеленого филина» ведьма разнесла еще один трактир, потом сцепилась на улице с отрядом городской стражи, который раскидала колдовством – бросила в стражников огненный шар. После этого она то ли утихомирила свою злость, то ли поняла, что если и дальше будет бросаться на всех как бешеная собака, то останется без ночлега. По крайней мере в третьем, самом дорогом трактире он вела себя уже относительно спокойно, в драку не ввязывалась, сняла комнату и заказала ужин. Рано утром ведьма проехала через городские ворота по направлению к столице. Наверное, узнала или почувствовала, что долго ей здесь не задержаться. Либо горожане изловят и оттащат к господину городскому палачу, а уж тот сообразит, как с ней справиться, либо…

В городе ожидается прибытие монахов из Шварцвайсского монастыря.

Что только не рассказывали про таинственный монастырь в Шварцвайсе. Говорили, что нет не только в стране, но и во всем мире более рьяных борцов с колдунами и ведьмами, чем монахи из Шварцвайса. Что там, где появляется братия в черных рясах и тяжелых сапогах, подкованных белой сталью, там колдунам и ведьмам никакого пути нет. Что монахи выискивают любую нечисть не хуже, чем натасканная собака идет по следу лисы. Говорили, что нынешний король страны, генерал Вальтер Нец, настолько ненавидит колдовство, что договорился с церковью о том, что Шварцвайсский монастырь будет подчиняться лично ему и будет заниматься только охотой на ведьм.

Говорили и другое.

Что монахи из Шварцвайса – сами колдуны, все до одного. Что за высокими стенами их монастыря никто и никогда не слышал колокольного звона, что пойманных колдунов монахи пытают не для того, чтобы те признались в черном чародействе, а для того, чтобы вызнать все их тайны. Что пойманных ведьм… Ну, что пойманные ведьмы тоже идут у монахов в дело.

Говорили даже, но совсем тихо и только на ухо, что король генерал Вальтер Нец и сам колдун и именно колдовством он сумел получить корону десять лет назад.

Многое говорили. Разное.

Всего через два часа парень понял, что если он купит все, на что у него разгорелись глаза, то ему понадобится не двенадцать талеров, а те самые два мешка, только не с зерном, а с серебром. И не один воз с двумя волами, а целый караван.

Якоб вздохнул, выгнал из головы мечты о красивом кожаном ремне… и фляге с чеканкой… и звонкой косе… и новенькой белой рубашке… и ярко-алом поясе… и даже о медовых коврижках.

Он решил купить только одну вещь, которая совершенно точно понадобится ему в поездке.

Большой медный черпак.

Приглянулся Якобу даже не сам черпак, а его рукоять – тоже медная, длинная, почти в руку широкая, прочная, с узким переходом в чашку, обмотанная сверху узким кожаным ремешком.

Очень полезная вещь. Ведь парню еще через Чернолесье ехать.

– Что смотришь, сынок? – обратился к Якобу медник, кряжистый мужчина в рабочей одежде и кожаном фартуке. – Покупай, мать варенья наварит!

– Сколько?

– Два талера.

Сколько? Только что такой же черпак купили за дюжину грошей. Всякий продавец задирает цену, но не в четыре же раза!

– Нет, уважаемый, этот замечательный черпак больше десяти грошей не стоит. А то и восемь.

– Это где же ты, сынок, такие цены видел? – Медник выпрямился. И плечами и ростом он превосходил невысокого Якоба.

Парень вспомнил, как в таких случаях торговался его отец, до того как болезнь скрутила его. Якоб подошел к большой наковальне – зачем она меднику? – и хлопнул по ней:

– Эта цена, уважаемый, написана на нижней части вот этой самой наковальни.

– Да ну… – Медник начал было ухмыляться.

Якоб взял наковальню за рог, поднял и поднес к лицу медника:

– Вот, посмотрите, уважаемый. – Якоб провел пальцем левой руки по подошве наковальни, стряхивая прилипшую землю. – Видите?

– Э… Ты не из Черного ли Холма?

– Оттуда.

– Сын мельника Ганса, что ли?

– Его.

– Ладно. Давай свои гроши. А наковальню на место поставь!

Якоб в прекрасном расположении духа шел по рынку, размахивая черпаком.

– Эй, сынок, ты что это творишь?

– Простите, уважаемая, моя вина.

– Конечно, твоя! Чуть не зашиб, желтая с пурпурной! Взять бы этот черпак да тебе по котелку!

– Не ругайтесь, уважаемая! Хотите, я вас поцелую в знак примирения?

– Уйди, негодник! Ты мне во внуки годишься!

– Какие внуки, уважаемая? Разве что в старшие сестры.

Женщина расхохоталась и замахала на Якоба руками.

Парень раскланялся, подхватил черпак под мышку и отправился к выходу, где его уже заждалась пара волов Направо и Налево.

У самого выхода продавали скот. Шум стоял…

Гоготали упитанные гуси, заполошно кудахтали куры. Блеяли на разные голоса овцы и бараны. Жалобно мычали коровы и густо, солидно – быки.

Один из продавцов чем-то заинтересовал людей: вокруг него столпились покупатели, что-то шумно обсуждая и перегораживая проход. Якоб ужом ввернулся в толпу, чтобы протиснуться поближе. Интересно же!

Да, товар того стоил. Огромный крутолобый бык, с заросшей кудрявой шерстью башкой величиной с пивной котел. Шерсть на боках прямо-таки лоснилась, отблескивая каждый раз, когда бык пошевеливался, и под шкурой играла волна мышц.

Вот это бык… Якоб бы купил такого, но с его деньгами соваться сюда нечего было и думать: возле быка уже стояли несколько зажиточных крестьян, в кожаных жилетах с медными – Якоб тоскливо вздохнул – начищенными пуговицами. Торг шел уже даже не с продавцом, а друг с другом, кто даст за быка больше.

Хозяин, невысокий старик с длинными седыми волосами, спадающими на глаза, только поворачивал голову от одного спорщика к другому.

Наконец один из крестьян порылся в кармане жилета, извлек крупную монету и хлопнул ее на ладонь. Монета блеснула желтым. Золото!

Все так и подвинулись поближе. Похоже, не только Якоб видел золото первый раз в жизни.

Два других покупателя завистливо вздохнули и развели руками – мол, твой товар, нам выше не потянуть.

Старик-продавец зажал в морщинистых пальцах монету:

– Забирай, уважаемый, твой он отныне…

В голосе старика чувствовалась жалость. Наверное, бык, которого он кормил, поил, выпасал, стал для старика как родной ребенок.

Довольный покупатель протянул руку за веревкой, привязанной к рогам. Старик потеребил в руках конец веревки, вздохнул:

– Знаешь, уважаемый, мне ведь этот бычок как родной сын был. Не позволишь хоть память о нем оставить? Вот эту веревку забрать? А я тебе… Да хоть вот эту опояску дам.

Якоб вздрогнул. Забрать хоть кусок от проданной вещи или позволить забрать что-то от купленной – примета очень плохая.

Народ в толпе не обратил внимания, а вот покупатель вздрогнул не хуже Якоба:

– Веревку забрать? Веревочку?

Он пристально взглянул в глаза старика. Попытался: глаза старика плотно завешаны волосами.

– Веревочку?! – внезапно взревел крестьянин-покупатель – Да ты же колдун!

Толпа ахнула.

– Думаешь, двадцать лет прошло, так никто ваших колдовских штучек не помнит? Когда на рынке продают быка или лошадь, а потом на память просят веревку или уздечку?

Старичок продолжал молчать, теребя веревку. Покупатель разорялся:

– Пожалеешь, отдашь. А потом ведешь купленное домой, а конь – порск! И в ворона превращается! Ни денег, ни коня!

– В ворона, говоришь? – неожиданно скрипучим голосом – так говорила бы ожившая деревяшка – промолвил старик.

Толпа закричала и шарахнулась.

Только что, вот только что на утоптанной площадке стоял огромный спокойный бык и маленький старик. И – раз! Бык и старик рассыпались тучей отчаянно каркающих ворон.

Только на землю упала золотая монета.

Хлопающие крыльями вороны взлетели вверх двумя стаями, соединились в одну и полетели, скрываясь за острыми крышами домов.

Если бы нашелся человек, проследивший за полетом стаи, то он увидел бы, как вороны слились воедино, превратившись в крупного черного ворона.

Ворон сделал круг над городом и вернулся обратно к рыночной площади. Уселся на коньке одного из домов и принялся наблюдать.

Сердце Якоба билось, колотясь о ребра. Ладно вчерашняя рыжая ведьма, в конце концов, он не видел, как она колдовала. Но здесь только что на его глазах совершилось самое настоящее колдовство!

Другие люди в толпе молчали, чувствуя то же самое.

– Эй, – сказал кто-то в толпе, – а ведь этот парень с ними заодно!

Все повернулись к Якобу:

– К стражникам его!

Глава 5

– Ты колдун?

– Нет, господин.

– Ты колдовал на рынке?

– Нет, господин.

– Ты знаком с колдуном?

– Нет, господин.

– Ты другие слова знаешь, кроме «нет, господин»?

– Да, господин.

– Ты издеваешься надо мной?!

– Нет, господин.

Вольфганг Шнайдер понял, что хочет убить этого невозмутимого мальчишку, сидящего на табурете в каморке городской стражи и односложно отвечающего на вопросы.

Труд дознавателя городской стражи на первый взгляд прост и понятен: допросить задержанного, решить, к чьей юрисдикции относится преступление: городской стражи, если это, скажем, нарушение общественного порядка, королевского суда, если это фальшивомонетничество или оскорбление величия, церковной епархии, если это колдовство или связь с демонами.

А что делать сейчас? Вот этот мальчишка? Он колдун? Извините, а есть свидетели? Свидетели-то есть, но все рассказывают про быка, превратившегося в ворон, а мальчишку никто не видел. Не удалось даже найти того, кто закричал, что парень заодно с колдуном. Кричавший растворился в толпе, словно ложка меда в кипятке.

– Ты не колдун?

– Нет, гос… Я не колдун, господин.

Якоб понял, что его смерть находится слишком близко и лучше ее не звать.

– Тогда что это?

На стол перед парнем с грохотом упал шнурок, сорванный с его шеи при задержании.

– Что это?

Толстый палец дознавателя уткнулся в предметы, висящие на шнурке. Сросшиеся орехи, девять сухих горошин из одного стручка, серебряный грош королевы Хельги, деревянный образок святой Карины, волчий зуб, обугленный сучок…

Якоб поднял взгляд:

– Это мои талисманы, господин.

– Талисманы? И еще говоришь, что ты не колдун, зелень красная?!

– Нет, господин.

– Что «нет»?

– Такие талисманы есть у каждого крестьянина в Нассберге, господин. Я не колдун, господин.

– У каждого… Откуда ты только такой взялся?

– Из Черного Холма, господин.

– Это где ж такое?

– Здесь неподалеку, господин.

– Церковников на ваш холм нет… Вот это для чего? – Шнайдер указал на обугленный сучок.

– Сучок от громового дерева, господин, – пояснил Якоб. – Прогоняет ночные страхи.

– Страхи… Вот это?

Якоб взглянул на медный ключ:

– Это – от Грибного Короля и его слуг…

– Что?! – неожиданно громко вскрикнул ошеломленный дознаватель. – Медь помогает от Грибного Короля?!

Такой вопрос ошеломил уже Якоба.

– А вы что, не знаете, господин?

Дознаватель сел:

– Откуда?

– Как это откуда, господин? – Якоб был поражен, как человек, встретивший того, кто не знает, что под водой нельзя дышать. – Все крестьяне, живущие около Чернолесья, знают это. Грибной Король и его слуги боятся меди, поэтому нужно всегда носить с собой что-нибудь медное. А лучше держать в руке.

Шнайдер помолчал:

– У меня товарищ… пропал в Чернолесье. Никто же не предупредил, что достаточно кусочка меди…

– Ну, тут не так просто, господин. – Якоб проникся искренним сочувствием к немолодому человеку. Терять друзей всегда тяжело, а уж в таком возрасте, когда новые заводятся очень трудно… – Для полной уверенности нужно знать приметы слуг Грибного Короля и его отродья, а еще…

Дверь в каморку распахнулась.

– Вольфганг! Черное с красным, желтое по синему через голубое с зелено-алым! Ты что здесь делаешь?

Судя по желто-зеленому мундиру, вбежавший тоже относился к городской страже, судя по роскошному плетению на груди из галунного шнура – был не менее чем начальником стражи.

– Допрашиваю подозреваемого в колдовстве, господин начальник!

В повисшей тишине можно было услышать тихие шаги смерти, приближавшейся к Вольфгангу.

– Подозреваемого?! Да в городе переполох, колдунов не видели разве что в соборе, а он тут терзает крестьянского мальчишку! Выгнать его и бегом в город – ловить колдунов!

«Когда ловишь медведя, – со скрытой усмешкой подумал Якоб, – главное, чтобы он не поймал тебя».

Да, переполох был знатный. Колдуны после происшествия на рынке как будто с цепи сорвались. За те полдня, что Якоб провел в городской страже, уже произошло следующее.

Загорелся дом одного из городских торговцев. Внезапно и мгновенно. Ослепительно яркое пламя охватило дом от фундамента до конька на крыше. Когда же соседи подбежали к пожару с ведрами и баграми, пламя исчезло, не оставив на беленых стенах даже следа.

Из городского колодца на площади послышался страшный рев. Заглянувшие внутрь смельчаки никого, кроме собственного отражения в воде, не увидели.

К телу повешенного крестьянина слетелось огромное множество воронья, превратившегося в гигантского мертвеца. Тот высунул синий язык, прорычал что-то невразумительное, и опять рассыпался воронами.

Рыбы на лотках торговок на рынке вдруг все как одна раскрыли рты и слаженным хором запели непристойные песенки.

На конек одного из домов вспорхнул огненно-алый петух величиной с вола и задорно прокукарекал громовым басом. После нескольких выстрелов стражников петух рассмеялся по-человечески и исчез.

Да, если одной рыжей ведьмы не хватило, чтобы раскачать шварцвайсских монахов, то теперь их прибытие – только вопрос времени. Того времени, которое им понадобится, чтобы прискакать в Штайнц.

У окна, выходящего на площадь с колодцем, стоял высокий пожилой человек лет пятидесяти. Узкое изможденное лицо, усталый взгляд покрасневших глаз, но пальцы твердо сжимают эфес шпаги, а спина по-прежнему пряма.

Альберт цу Вальдштайн, управляющий городом, прислонился лбом к холодным квадратикам оконных стекол. Когда же кончится этот день…

Последнюю неделю цу Вальдштайн хотел быть мертвым. Человеком, от которого ничего не зависит.

Управляющий был верным слугой короля генерала Вальтера Неца. Кроме того, он был умным и много повидавшим человеком, поэтому не растерялся, когда среди городских дворян и окрестных землевладельцев начались тихие шепотки о том, что нынешний король власть получил незаконно и нужно убрать его и надеть корону на того, кто имеет на нее право. Правда, определенности в точной кандидатуре не было. То ли вернуть корону Новой династии, то ли Старой. Или вовсе выбрать всенародным – то есть вседворянским – собранием настоящего, совершенно законного короля.

Цу Вальдштайн был настоящим управляющим. Поэтому Штайнц и окрестности остались верными королю генералу Нецу. Несогласных управляющих задавил, сомневающихся – запугал, и только от сильных пришлось откупаться.

«Ирма… – с грустной улыбкой подумал управляющий. – Казалось бы, ей уже восемнадцать, и все равно я никогда, даже мысленно, не называл ее дочкой…»

Единственную дочь цу Вальдштайну пришлось отдать. Вон там, сразу за высоким зданием городской стражи – особняк, где сейчас сидит Ирма. Управляющий знал, что больше никогда ее не увидит. И если она сбежит от своего нового мужа, придется вернуть ее обратно.

Договор есть договор.

«Мой долг – навести здесь порядок. И я это сделал. Даже такой ценой».

Смертельно усталый человек у окна мог сказать, что порядок здесь наведен. Он видел только один недостаток: лояльность Штайнца и окрестностей сильно зависела от него.

Тут цу Вальдштайн ошибался. Лояльность держалась исключительно на нем одном.

Якоб вышел из дверей городской стражи, невольно прищурился. Вечерний свет после полумрака каморки резал глаза.

Он вскинул на плечо котомку. Где же упряжка?

Волы стояли рядом со стражей, в узком переулке, зажатом между двумя каменными стенами. Никогда в жизни они бы здесь не оказались, если бы Якоба не задержали.

Парень бросил котомку в пышную кучу сена, окинул взглядом свои вещи. Полог, мешки, черпак, котелок… Все на месте. Даже фляга, подарок вредной Хильды, и та лежит себе, поблескивая накладками.

Надо воду сменить.

Якоб тронул упряжку и медленно двинулся к городскому колодцу.

На площади толпился народ. К счастью, не возле колодца, там как раз было пусто. Люди слушали взгромоздившегося на бочку оратора: мужчину с развевающимися волосами, в лохмотьях, при жизни бывших монашеской рясой.

Якоб отвинтил пробку, машинально нюхнул горлышко фляги… Замер.

Вода должна была пахнуть колодцем, он же набрал новую при въезде в город. Сейчас вода во фляге пахла иначе. Запах родника и совсем чуть-чуть – трав.

Парень недоуменно потряс флягу. Кто-то заменил воду. Кто? И зачем?

Якоб медленно перевернул флягу, наблюдая, как вода тонкой струей вытекает на булыжники мостовой.

В неизвестных доброжелателей он не верил и пить эту воду не собирался.

Пока о булыжники разбивалась водяная струя, Якоб невольно прислушался к речам бочечного оратора.

– Нашли, – возглашал тот, – нашли в старом монастыре древнее пророчество. Пророчество! И сказано в нем было… Было сказано в нем…

«Пророк» то ли забыл, о чем шла речь, то ли нагнетал напряжение в слушателях.

– Сказано было в том пророчестве, – оратор откинул от левого уха узкую белую прядь волос: – «Придут времена темные и ужасные. Слезы будут литься в Нассберге, течь рекой будут они. Но пройдет время, и восхвалит народ время слез, ибо придет ему на смену время кровавых рек! Темный Властитель, слуга зла, порождение ада, раскинет свою сеть над несчастной страной. Черная белизна будет рыскать по стране, карая виновных, а пуще того невинных. Но придет спасение! Придет! Выйдут из сени листвы два человека: юноша и девушка. И будет юноша тот неизвестным сыном старого короля, а девушка – неизвестной дочерью нового. И вместе, взявшись за руки, свергнут они Темного Властителя, и воссияет солнце добра и справедливости над землей Нассберга! Но будет это, только если два героя будут опираться не на песок, но на камни. Если все люди Нассберга вместе поддержат их. Тогда и только тогда зло падет!» Так говорит пророчество. Так и будет!

Народ зашумел, обсуждая слова пророчества.

– Все, все видели, что сегодня творилось в городе! Вот они, первые ласточки кровавого времени! Вот они – следы Темного Властителя! Верьте мне!

Буль-буль-буль… Фляга наполнилась, Якоб заткнул ее пробкой и направил повозку к городским воротам.

Чего только не придумают досужие любители поговорить перед толпой. Все это слушать, что ли?

– Кар!

– Ну, Берендей, я же не могу никогда не ошибаться. С водой не получилось, но, может быть, все получится само собой? Как думаешь?

– Кар!

– Конечно, присмотрим.

– Кар!

– Не обманывай. Тебе же тоже понравилась та шумиха, что мы устроили в городе. Правда, мерзавцы и ее обернули в свою пользу, но нам это не повредит. Зато теперь монахи точно будут здесь…

– Кар!

– Нам-то, конечно, здесь будет уже нечего делать.

Два ворона сорвались с места и превратились в черные точки в синем небе.

Якоб выехал из города. Повозка медленно покатилась по пыльной дороге. Солнце уже почти село, темнело.

Мимо расстилались сжатые поля пшеницы, тянулись вдаль до самого горизонта, у которого мрачной каемкой темнело Чернолесье.

Волы взошли на холм и так же не торопясь начали спускаться. Когда спуск закончился и повозка оказалась между двумя холмами, Якоб остановился.

Он с удовольствием отпил большой глоток из фляги – в горле давно пересохло, – повернулся и наклонился к куче сена:

– Вылезай. Я тебя видел.

Глава 6

Под свернутым пологом зашуршало сено, показались большие испуганные глаза… Из своего укрытия выбралась и села на повозке молодая девушка, ровесница Якоба.

Ирма цу Вальдштайн посмотрела на Якоба.

Перед ней стоял молодой парень в праздничной крестьянской одежде: блестящие новенькой кожей сапоги, черные штаны и черная вышитая жилетка, белая рубаха. На голове короткий ежик светлых волос прикрывает маленькая крестьянская шапочка-ермолка.

Ирма успокоилась. Ни слуг жениха, ни людей отца, – вокруг не было никого из тех, кого она боялась. Только крестьянин.

Всего лишь крестьянин. Бояться нечего.

Якоб посмотрел на Ирму.

На его повозке сидела молодая девушка в обычной дворянской одежде: красные туфельки, выглядывающие из-под длинного подола черно-зеленого платья, узкие рукава, большой квадратный вырез на груди, так что видны торчащие ключицы. Пшенично-светлые волосы убраны под светло-изумрудный берет, только три длинные пряди спадают на спину. Золотые перстеньки, цепочка на шее.

Якоб напрягся. Дворянка…

Крестьянину не следовало находиться рядом с дворянкой. Не в том смысле, что кто-то подумает, будто они состоят в неких непристойных отношениях. Кому же в голову придет, что дворянская девушка может опуститься до крестьянина? Да и репутация девушки Якоба нисколько не заботила.

Дворянин – это всегда требования.

Нет, как вольный крестьянин Якоб мог ничего не делать, даже если эта девчонка раскричится. Мог. А если его попытаются заставить, обратиться в суд. Вот только дворяне давно выработали противодействие для слишком сообразительных крестьян. Откажись исполнить распоряжение незнакомого дворянина – и уже сам окажешься в суде по обвинению в оскорблении достоинства.

Ирма спрыгнула с повозки, быстро одернула задравшиеся юбки и выпрямилась:

– Крестьянин! Ты отвезешь меня в столицу.

Якоб незаметно вздохнул. Что и следовало ожидать.

– Да, госпожа.

Крестьянин имеет только одно право – беспрекословно исполнять повеления дворянина. Своих чувств, планов, пожеланий у крестьянина быть не может. Любые проявления непокорности жестко пресекаются.

Правда, если бы Якобу не нужно было в столицу, девушка приехала бы куда угодно, только не туда, куда собиралась.

«Повезло, – думала Ирма, – как повезло… И с повозкой, и с крестьянином. Хорошо, что он вольный. А то мы могли наткнуться на его хозяина».

Еще сегодня утром девушка считала, что она навсегда останется в доме постылого «мужа». Она думала, что ей повезло, ровно до того самого момента, когда после бракосочетания взяла новоиспеченного мужа за руку и, опустив ресницы, спросила, когда они взойдут на «ложе любви». Вот тут все воздушные замки рухнули и рассыпались с печальным звоном.

Ирма узнала, что муж – вовсе не муж и ни на какое «ложе любви» вступать не собирается, потому что молодые глупые и тощие девчонки его не привлекают. Что она, Ирма, отныне всего лишь предмет. Залог хороших отношений «мужа» и отца. Ирма все поняла и

в первую же ночь сбежала к отцу. Домой. Откуда назавтра приехала связанная, с горящими от пощечин щеками. Отец отказался ее защищать. Отныне она принадлежала мужу.

Принадлежала! Как будто Ирма – вещь! Как будто у нее нет своих чувств, планов, пожеланий…

На вторую ночь она сбежала опять. Уже не к отцу. В никуда. В неизвестность.

Ее поймали на следующий день – куда в городе может спрятаться наивная девушка, воспитанная в доме, не имеющая даже денег?

На всякий случай Ирму заперли в камеру домашней тюрьмы. Здесь держали знатных заложников, поэтому комната очень походила на обычную спальню. Только с замками на дверях и решетками на окнах.

Ирма отчаянно трясла решетку. Нет, пока у нее есть надежда, она будет пытаться! Пусть не получается, пусть! Она будет пытаться! Рано или поздно она что-нибудь придумает!

Множество прочитанных рыцарских романов подсказали, что если невинная девушка заперта жестокосердным отцом или мужем в башне – камера, правда, была на первом этаже, – то когда-нибудь обязательно появится верный рыцарь, который спасет, утешит, полюбит и отвезет в свой прекрасный замок.

Ирма вздохнула. Все ее знакомые рыцари наперечет были старыми, покрытыми шрамами, а их замки – холодными старыми развалинами. Да и в книгах рыцарь появлялся после того, как девушка проведет взаперти полжизни. Ирма вздрогнула. Полжизни! Это же… девять лет! Какой принц взглянет на пожилую двадцатисемилетнюю женщину?

Она отчаянно тряхнула решетку. Где-то в саду каркнул ворон, и как будто по сигналу стена хрустнула, и решетка вместе с камнями, в которые была вмурована, вывалилась наружу.

Девушка замерла. Неужели…

Свобода!

Ирма задумалась. Если она полезет в отверстие вперед головой, то ей придется лететь головой вниз. А если вперед ногами – у нее задерутся юбки… Хватит думать! Вперед!

Она вскочила на табурет у бывшего окна, уцепилась за карниз и просунула ноги в проем. Смотреть некому.

Раз! Взметнувшийся подол укутал голову, раздался треск, и одна из нижних юбок повисла в окне, зацепившись за выступ. Ирма поправила одежду, прическу, берет. Вперед!

Она пробежала по саду между старыми яблонями, подбежала к той самой стене, которую целую неделю видела из окна. Еще тогда она обратила внимание, что стена пострадала от времени и многие камни в ней выщерблены. Можно упереться ногами…

Ирма подпрыгнула, уцепилась за край стены, подтянулась… Туфли скользили… Есть! Ирма выглянула из-за стены. За ней был узкий переулок, ограниченный двумя каменными стенами: стеной сада, на которой она висела и стеной каменного здания.

Это было здание городской стражи, но Ирма этого не знала.

Если бы она перелезла стену и пошла по переулку вправо, то вышла бы к парадному входу особняка, из которого только что убежала. Ее бы непременно увидели и схватили слуги «мужа». Если же она пошла бы направо, ее поймала бы городская стража, подчинявшаяся отцу.

Однако Ирме повезло. В переулке стояла крестьянская повозка, запряженная парой огромных серых, как валуны, волов. Повезло.

Она перебралась через стену и залезла в повозку. Закопалась в сено, запахом напоминавшее лето в загородном отцовском доме, и накрылась непонятной серой тряпкой.

Раз телега крестьянская – значит, она скоро уедет из города. Вместе с ней. Там, за городом, она подождет, пока телега остановится, и вылезет. Потом пойдет в столицу.

Ирма знала, к кому обратиться в столице. Конечно же, к королю Вальтеру.

Она видела короля один раз, еще девочкой, когда вместе с отцом ездила в столицу. Ирма запомнила тот добрый взгляд, которым король смотрел на нее. Неужели же он откажет несчастной девушке, преданной отцом и отданной постылому мужу? Разумеется, нет. Наверняка король даст ей место… Может быть, даже…

Впрочем, нет. Король и свою-то прежнюю жену отправил в монастырь, навряд ли захочет новую.

Тут планы Ирмы были прерваны. Вернулся хозяин телеги, и они вместе выехали из города.

– Дай мне воды.

– Возьмите, госпожа.

– Дай мне поесть.

– У меня нет еды, госпожа.

– Пойди и купи.

– У меня нет денег, госпожа.

Ирма уже засомневалась, что ей так уж повезло с крестьянином.

Парень оказался на редкость тупым. Кто же выезжает в дальнюю поездку без денег? Не мог взять из дома, что ли? Да и вообще…

Девушка уже давно терпела. Она кашляла, хмыкала, шуршала сеном, на котором сидела, но тупой крестьянин преспокойно ехал себе дальше и даже не думал останавливаться, чтобы она могла…

– Останови, – наконец произнесла она. Хоть бы он не стал спрашивать, зачем…

– Да, госпожа.

Спасибо всем святым! Ирма убежала за кусты.

Стемнело. Повозка с волами остановилась у придорожного трактира. Ирма задумалась.

Может ли приличная дворянская девушка ночевать там, где останавливаются крестьяне? И может ли считаться приличной дворянская девушка, которая сбежала от отца, от мужа и едет в столицу без полагающегося сопровождения и компаньонки, вместе с незнакомым крестьянином?

– Пойдем! – Она махнула рукой крестьянину и отважно двинулась к дверям.

В книгах придорожные трактиры были исключительно гнездовьями разбойников. Там постоянно происходило что-то преступное. Если же герои книг заходили в таверну, то в лучшем случае на них все оглядывались, но чаще сразу набрасывались с оскорблениями и кулаками. Если герой книги заходил в трактир, там тут же начиналась драка.

Ирма остановилась на пороге и огляделась.

Никого она не заинтересовала. В трактирах видали всякое. Драк тоже не было, видимо, ни один герой книг сегодня сюда не заходил.

Посетители сидели за столами, ели, разговаривали, то есть делали то, зачем люди, собственно, и приходят в трактир.

Ирма прошла к стоящему за стойкой хозяину. Хоть кто-то здесь соответствовал книжным представлениям, наверное случайно. Хозяин был крупным мужчиной с красным лицом, большими волосатыми руками, которые он вытирал о замызганный фартук. То есть типичный хозяин трактира.

– Мне нужна комната и ужин.

– Хорошо, госпожа. Деньги.

– Какие деньги?

– Такие, знаете, круглые. Медные или серебряные.

Ирма собралась было возмутиться, но потом подумала, что даже дворяне должны платить. Нет, можно, конечно, попытаться отобрать у простолюдина то, что тебе нужно, если он не отдает. Вот только девушка сомневалась в своей способности отнять у хозяина трактира комнату.

Дворяне, конечно, могли просто потребовать у любого простолюдина отдать то, что им нужно. Только покушение на имущество считалось преступлением. Даже если это имущество простолюдина. И обвинением в оскорблении не прикроешься: давний указа короля говорил, что требование денег за товар или услугу оскорблением для дворянина не считается.

Девушка задумалась. Во-первых, где взять деньги? Во-вторых, что она будет делать, если крестьянин потребует с нее плату за провоз в столицу?

– Вот, – решилась она, стянула с пальца обручальное кольцо и положила на стойку. – Я хочу продать это.

Хозяин трактира прищурился. Он сразу понял, что перед ним сбежавшая от родителей дворянская девушка. Наверняка едет к жениху, бедному как церковная мышь, с которым собирается тайком обвенчаться. И сопровождающий под стать.

Парень выглядел в точности как молодой крестьянин, но наметанный глаз трактирщика отметил и ширину плеч, и размеры кистей, и то непробиваемое спокойствие, с которым парень вошел в трактир. Оружия нет, да судя по движениям, и не обучен, но такому парню оружие не очень-то и нужно. Ему достаточно дотянуться. До врага или до ближайшего бревна. Хотя будь у жениха девушки чуть побольше денег, нанял хотя бы посредственного бойца. И невесте своей дал бы денег. Итак, что делать с кольцом?

«…Похоже на обручальное. Может, девчонка сбежала не от родителей, а от мужа? Какого-нибудь старика, за которого ее отдали силой… Купить-то можно, вот только не опасно ли это кольцо держать у себя? Найдут, обвинят в воровстве… Хотя можно переплавить. Значит, купить по цене золота. Можно попытаться скинуть цену, но не нравится мне этот паренек. Чего он такой спокойный? Как будто девчонка ему посторонняя… Значит, в том, что я ее не обману, уверен. Почему? Слишком силен, справится с любым. И знает цену золота… Или нет? Откуда крестьянину… Или знает? Обмануть? Или не стоит?..»

– Сейчас принесу деньги. – Хозяин трактира потянулся за кольцом, но Ирма тут же накрыла его ладонью.

– Хорошо. Деньги.

Через несколько минут Ирма рассталась с кольцом, но приобрела солидный позвякивающий мешочек. Хозяин трактира обманул всего на четверть. Практически честно купил.

Жена трактирщика увела Ирму в комнату – от всех переживаний есть девушке не хотелось. Якоб дождался, пока они скроются, и положил на стойку медную монету:

– Тушеную репу. И пиво.

Якоб сел за свободный стол, отпил пиво, зачерпнул было репу…

– Привет, парень.

За стол к нему сели несколько человек. Примерно одного возраста, в прочной дорожной одежде, кожаных куртках. Левый крутит в пальцах деревянный стаканчик, в котором постукивают игральные кости. Правый с усмешкой смотрит на Якоба, склонив голову.

– Понравился ты нам, – произнес средний, самый старший, видимо вожак, – решили мы тебя угостить. Выпей с нами.

Вожак толкнул к Якобу большую пивную кружку. Парень медленно взял кружку, поднес к глазам…

Дно прекрасно видно, никаких монеток там нет. Не вербовщики. Постой-ка…

Якоб втянул запах. Неудивительно, что дно видно. Пены-то нет. Это не пиво.

Шнапс.

В пивной кружке. Налитой до краев.

– Что остановился, парень? – Вожак улыбался. Так жизнерадостно, что заподозрить его в нечистых намерениях мог бы только самый черный человеконенавистник.

Ну, или Якоб.

Смысл игры понятен: парень выпивает кружку, валится опьяневший – после такой порции и быка можно выносить, – после чего выносится на воздух и очищается от лишних денег.

Могли бы подлить и снотворного, а то и вовсе отравы. Только тогда подсовывали бы пиво. Его любой выпьет. А такую кружку шнапса – только редкий дурак. Если же выпьет, снотворное уже не понадобится.

– Или мы в тебе, парень, ошиблись? Никак ты трус?

Теперь понятно. Какой же молодой парень допустит, чтобы его заподозрили в трусости?

Якоб поднял кружку. До сего дня он не пил шнапса.

Сыновья старого Ганса вообще не любили шнапс. Ладно пиво, оно хоть жажду утоляет. А от шнапса что?

Якоб медленно осушил кружку. До дна.

Поставил на стол и принялся неторопливо поедать репу. И так уже остывает.

Лица мошенников медленно вытягивались. Парень, выпивший полную кружку, не только не валился пьяным. Он вообще не опьянел.

Что толку для сыновей Ганса пить шнапс, если ни в одном трактире ни разу не было достаточного количества, чтобы они хотя бы охмелели?

Глава 7

Рано утром Якоб, проспавший всю ночь под пологом телеги, зашел в трактир, чтобы поесть перед дорогой.

Девчонка-дворянка не показывалась, наверное, еще спала. Оно и к лучшему: Якоб не собирался на самом деле везти ее в столицу. Пусть дворяне сами решают свои проблемы. А он поест и, когда девчонка проснется, будет уже далеко…

Стукнула дверь, раздался молодецкий хохот. Якоб поднял глаза на вошедших и помрачнел.

Черные треуголки, у командира отороченная снежно-белым галуном, длинные небесно-голубые мундиры, залихватски повязанные красно-синие шарфы, белые чулки, ботинки с блестящими пряжками… Да и сами солдаты как на подбор: высокие, красивые, настоящие вояки.

Солдаты, весело шумя, усаживались за стол. Якоб отпил пиво, бросив поверх кружки косой взгляд.

С чего бы веселиться солдату? В особенности когда рядом сержант? Почему же они так смеются? Уж не затем ли, чтобы показать, как здорово быть в армии?

Такие молодцы-красавцы встречаются в армии только в двух местах. Либо в королевской гвардии, а что гвардейцам делать в такой глуши, в отдалении от столицы? Либо это…

Вербовщики.

Как сглазил вчера, когда о них подумал. Якоб отставил пиво. Один из излюбленных приемов армейских вербовщиков: угостить кружкой подходящего парня, а когда тот допьет, обнаружит на дне медную монету. И все: пиво от армии взял, деньги взял, значит, ты согласился быть солдатом. Или еще так делают…

Якоб достал из-за пояса несколько медных монет и провертел подходящим гвоздиком в каждой небольшое отверстие. Зажал монеты в кулаке.

Уйти бы, да солдаты умело перекрыли выход: решишь уйти – непременно затащат за свой стол. Лучше уж тихо-мирно посидеть за своим. Авось…

Не получилось. Один из солдат незаметно, как ему казалось, толкнул в бок сержанта, кивнул на Якоба. Несколько быстрых взглядов, и солдаты с сержантом, прихватив кружки, двинулись к столу Якоба. Понятно… Единственный подходящий тип в зале трактира: парень молодой, крепкий, крестьянин. В армии такие нужны. А что ростом невелик – не беда, в егери, скажем, пойдет.

– Доброе утро, парень! – Сержант улыбался так жизнерадостно, что Якоб волей-неволей улыбнулся в ответ. И тут же почувствовал, как быстрый взгляд сержанта пересчитал его зубы. Все на месте.

– Доброе утро, господин.

– Чего такой задумчивый? – Один из солдат придвинулся поближе у Якобу. Между пальцев мелькнула грошовая монетка…

– Думаю, господин.

– О чем же?

– Да вот, – громко произнес Якоб, так что оглянулись немногочисленные утренние посетители. Даже старик-монах, дремавший в углу, поднял голову и нашарил свою клюку. – Нашел я несколько монет, а на каждой – дырка, господин. Не знаю, что делать, господин.

Якоб показал зажатые в кулак монеты. Солдаты раскрыли рты. Тот, что сел рядом, бросил косой взгляд на сержанта.

Один из приемов вербовщиков, еще старый Ганс рассказывал: взять грошовую монету, провертеть в ней отверстие, а затем незаметно подкинуть ее жертве. После чего заявить,

что тот уже согласился завербоваться в армию и даже деньги взял. Не верите, люди добрые, посмотрите, у него монета должна быть приметная, с дыркой. А тут еще подкинуть не успели, а у парня уже есть горсть монет. И все с дырками. Да при этом все посетители слышали, что парень деньги нашел такими. Ну и как потом докажешь, что это та монета, которую парень якобы взял от армии, а не та, что он нашел?

Была, конечно, опасность, что вербовщики признают монеты своими, мол, это они потеряли. Но тут уж лучше потерять несколько грошей, чем надеть ранец и ружье.

– Значит, говоришь, нашел монеты? – прищурился сержант.

– Да, господин, – кивнул Якоб.

– Так прямо на дороге и валялись?

– Нет, господин.

– А где?

– На дороге, господин.

– Ты же сказал, что не на дороге?

– Да, господин.

– А теперь говоришь, что на дороге?

– Нет, господин.

– Так где ты их нашел?

– На дороге, господин.

– На дороге?

– Да, господин.

– На дороге?

– Нет, господин.

Сержант запнулся. Кто-то из солдат тихо хихикнул и прошептал: «Вот дурачок…»

– Парень, ты, я вижу, крестьянин?

– Да, господин.

– Землю пашешь?

– Нет, господин.

– А чем тогда занимаешься?

– Землю пашу, господин.

– Ты что, издеваешься, зелень красная?!

Терпение сержанта лопнуло.

– Да, господин.

– Или ты недоумок?!

– Нет, господин.

Сержант замолчал.

– Ты крестьянин? – спросил он снова.

– Да, господин.

– А может быть, ты крестьянин?

– Нет, господин.

– Или все-таки крестьянин?

– Да, господин.

Якоб отвечал, глядя прямо в глаза сержанту, с доброй улыбкой и совершенно ясными глазами полного кретина.

– Ты любишь деньги?

– Нет, господин.

– А хочешь пойти служить в армию?

– Да, господин.

– Пойдем, ребята. – Сержант поднялся. – Если человек признается, что хочет служить в армии, значит, он точно недоумок. Нам такие не нужны.

Солдаты вышли из трактира. Якоб перевел дыхание. Пронесло… Он поднялся было, чтобы уйти, но тут к столику Якоба подсел давешний монах, взявшийся рассказывать о том, как он в молодости служил в пикинерах, о лихих боях и славных традициях своего полка, о сержанте Копперкопфе, которого сам король произвел в сержанты за долгую беспорочную службу…

Якоб улучил момент и, быстро попрощавшись со стариком, встал из-за стола, чтобы уйти…

По лестнице спускалась его непрошеная попутчица.

– Крестьянин, ты уже проснулся? Отлично, мы выезжаем. Я только позавтракаю.

– Да, госпожа.

Ирма двинулась было к стойке, но тут приостановилась. Взглянула на стоящую перед Якобом пустую тарелку и кружку:

– Ты же сказал, что у тебя нет денег.

В глазах Якоба мелькнула незаметная смешинка.

– Нет, госпожа.

Повозка с волами плыла по пыльной дороге. Девушке, выспавшейся и позавтракавшей, было весело и интересно смотреть на окружающий мир, который она ранее видела разве что из окна кареты. А тут все рядом, только руку протяни…

Ярко-зеленые поля, уставленные желтыми стожками. Ветер, который прилетает с полей и приносит запахи скошенной травы. Орел, раскинувший крылья и кружащийся в голубом небе. Оглушительно стрекочущие кузнечики. Солнце, которое светит прямо в лицо, лучи как будто ласкают тебя. Такие же повозки с волами, которые проезжают мимо. Крестьяне, которые кивают ее парню… интересно, как его зовут? Скачущие иногда всадники. Группа крестьян, идущая пешком… А куда они идут?

– Крестьянин, – Ирма села поудобнее, – а куда идут вон те крестьяне?

Якоб присмотрелся. Серебряные цепочки, на многих – осколки каменного стекла, в руках – короткие дубинки, наверняка освященные в церкви…

– Они идут убивать оборотня, госпожа.

– Оборотня?! – Ирма всмотрелась в толпу. Да нет, вполне обычные крестьяне…

С оборотнями Ирма сталкивалась, к счастью, лишь на страницах книг. Там с ними сражались только рыцари и герои, в крайнем случае, особые охотники на нечисть. Роль крестьян при этом заключалась только в разбегании с криками, когда оборотень появлялся в своем зверином обличье, и пугливом ожидании спасения – в остальных случаях.

Крестьяне не сражаются с оборотнями!

– А как они думают справиться?

Якоб пожал плечами:

– Как обычно, госпожа.

– Ты так говоришь, как будто для крестьян убивать оборотней – самое распространенное занятие!

– Как скажете, госпожа.

Якоб замолчал. Ирма посидела немного в молчании, потом не выдержала:

– Это правда?

– Что правда, госпожа?

– То, что обычные крестьяне могут убить оборотня?

– Да, госпожа.

– А почему?

Хороший вопрос. Почему крестьяне убивают того, кто нападает на них, их жен, детей? Или они должны покорно ждать, пока их не съедят всех?

– Потому что больше некому, госпожа.

– Но есть же дворяне, власти…

– Дворяне и власти считают жалобы на оборотней сказками, которые крестьяне придумывают, чтобы не работать, госпожа.

– Есть и охотники на нечисть.

– Есть, госпожа. Но они слишком редко появляются в деревнях, госпожа. Поэтому для крестьян их все равно что и нет, госпожа.

– А почему?

– Потому что крестьяне могут слишком мало заплатить, госпожа. Поэтому охотники на нечисть работают только в городах или с дворянами, госпожа.

Ирма задумалась. Крестьяне могут самостоятельно убить оборотня. И даже не считают это подвигом, обычное дело… Надо же… Они ведь даже не боятся его!

А этот парень, похоже, вовсе не такой тупой, как она подумала сначала…

Какой же он тупой! Нет, ну какой же он тупой!

Полчаса назад они проезжали мимо небольшого городка в миле от дороги. Ирма посмотрела на стены города, вздохнула, и тут ей пришла в голову мысль. Если ее будут искать – а ее будут искать, – то ей нужно переодеться. Девушка в дворянском платье, едущая в крестьянской повозке, слишком бросается в глаза.

Сначала она собиралась по примеру многочисленных героинь романов одеться в крестьянское платье, но потом все-таки решила этого не делать. Дворяне, вздыхающие от умиления при виде очаровательных крестьянок, встречаются, видимо, только на страницах тех самых романов. В жизни симпатичная крестьянская девушка при встрече с дворянином в лучшем случае останется незамеченной, в худшем же наткнется на сластолюбца, который просто воспользуется ее.

Ирма даже на секунду задумалась о том, что жизнь крестьян вовсе не так проста и легка, как ей казалось. Только на секунду.

– Крестьянин, поворачивай к городу!

– Да, госпожа.

Они остановились у городских ворот. Ирме в город было не попасть. Подорожной у нее не было, а дать стражникам денег ей не пришло в голову.

– Крестьянин, – сказала она, – пойдешь в город и купишь мне платье.

– Да, госпожа.

Парень кивнул и ушел в город. Глядя, как он проходит мимо стражников, Ирма вспомнила, что не дала ему денег. Ну, ничего. Пусть что-нибудь придумает. Не самой же ей голову ломать.

Парень пришел через полчаса и принес платье.

– Что это?! – охнула Ирма.

– Платье, госпожа.

Это на самом деле было платье. Обычное крестьянское платье. Да еще и маленькое.

– Это не платье!

Якоб осмотрел принесенное:

– Это платье, госпожа.

– Пойди и принеси мне другое платье! Такое, какое носят… городские девушки.

Парень спокойно удалился.

Через полчаса перед Ирмой лежало другое платье.

– Что это?!

– Платье, госпожа. Какое носят горожанки, госпожа.

Да, возможно, когда-то это платье носили горожанки. Лет десять подряд. Сейчас оно было старым, вытертым и чуть ли не просвечивало насквозь.

– Пойди и принеси мне новое платье, которое носят горожанки!

В этот раз парня не было почти час. Ирма уже хотела и есть, и пить, а его все не было. Наконец парень явился. Свежий и бодрый, как будто этот час он не платье искал, а в трактире сидел.

– Что это? – вздохнула Ирма.

– Платье, госпожа. Какое носят горожанки, госпожа. Новое, госпожа.

Платье на самом деле было новым. Подвенечные платья вообще редко занашиваются.

– Пойди и принеси мне новое платье, которое горожанки носят каждый день. Ты меня понял?

– Да, госпожа.

Очередное платье устроило бы Ирму полностью. Оно было обычным городским платьем, новым и неприметным. И просторным. В это платье могло бы поместиться три Ирмы, а вырез, который должен только слегка приоткрывать ключицы, опустился бы до самых… Девушка покраснела.

– Принести другое платье, госпожа?

Ирма слишком сильно хотела есть и пить.

По дороге ехала повозка, запряженная двумя меланхоличными волами. В ней сидел улыбающийся крестьянский парень в праздничной одежде и мрачная девушка, кутающаяся в огромное платье горожанки, в вырезе которого виднелась дорогая зеленая ткань дворянского платья.

Глава 8

– Как продвигаются наши дела?

– Есть отдельные недочеты и упущения, но мы справляемся. Ваше вмешательство пока не требуется, господин.

– Недочеты? Какой из отдельных провалов самый крупный?

– Пожалуй, в Штайнце, господин.

– Что-то с Ирмой?

– Да. Она сбежала.

Пауза.

– Ее поймали?

– В этот раз – нет.

Пауза.

– Куда могла исчезнуть молодая глупая девчонка?

– Мы предполагаем, в этот раз ей удалось ускользнуть из города. Скорее всего, она бежит либо в родовой замок, где надеется спрятаться у матери…

Смешок.

– …либо к одному из своих друзей-дворян. Везде стоят посты, ни тот, ни другой выбор для нас не опасен.

– Какой выбор для нас был бы опасен?

– Ну… если бы она добралась до короля…

– Путь в столицу лежит через Чернолесье?

– Да. Но…

– Направьте туда людей. Если она двинулась именно туда, боюсь, все закончится плачевно. Она может наткнуться на моих… подданных и не выбраться из леса. Тогда наше пророчество волкам под хвост. Либо же она выберется, и тогда она не так глупа, как вы о ней думаете, и сможет рассказать Вальтеру Нецу кое-что интересное. По Штайнцу все?

– Мм… нет. Управляющий все еще жив.

Долгая пауза.

– Почему? Чем занимается ваш хваленый наемник?

– Наемник отравился и вот уже несколько дней живет по пути в туалет и обратно.

– Верните туда Фукс.

– Невозможно. После недавних представлений там днюют и ночуют шварцвайсские монахи. С ее представлениями о приличиях и дисциплине…

– Где вы берете таких наемников?

– К сожалению, других специалистов такого уровня у нас найти невозможно.

– После представлений, говорите… Монахи нашли того, кто это устроил?

– Нет. Судя по всему, это был очень мощный колдун.

– Может…

– Нет. Он не выезжал из столицы и не оставлял двойника. Это мы сразу проверили.

– Мощный колдун, но не он… Против нас взялся играть кто-то третий…

– Итак, чем вы можете меня порадовать?

– Нам не удалось выяснить, что объединяет заговорщиков.

– Кроме ненависти ко мне, понятное дело?

– Разумеется, ваше величество. У них слишком разные цели, иногда просто противоположные. Тем не менее во многих случаях заговорщики действуют вместе.

– Старая династия, Новая династия, проворовавшиеся министры, крупные землевладельцы, карточные шулера, бывшие крестьянские вожди… Что их может объединять?

– За ними кто-то стоит.

– Ценная мысль. Как же я сам не догадался? Кто? Соседи?

– Нет.

– Вы уверены?

– Моя голова тому порукой. Вы взяли меня на службу не для того, чтобы я ошибался в таких вопросах.

– Кто-то стоит, кто-то стоит… Что по происшествию в Штайнце?

– Шварцвайсский аббат утверждает, что все это устроил один человек.

– Один человек? Запустить иллюзии такого уровня – и только один? Мой отец бы мог, но он давно мертв. У наших противников есть такие колдуны?

– Колдуны есть, но не такой силы. Они берут количеством…

– Или вы чего-то не знаете.

– Происшествие в Штайнце во многом помешало планам наших противников. Из достоверных источников стало известно, что управляющего города хотели убить. Если бы не происшествие и не прибытие монахов, цу Вальдштайн, скорее всего, уже был бы мертв.

– Нам оно тоже не принесло пользы, послужив лишним подтверждением Пророчества. Удалось узнать, что оно означает?

– Тоже нет.

– Значит, нет… Против нас взялся играть кто-то третий.

– А ведь славно мы повеселились в Штайнце, Берендей?

– Кар!

– Но сейчас не время веселиться. Еще работать и работать…

– Кар!

– Не могу. Если они узнают, кто играет против них, меня смогут победить. Ты сам видишь, моя армия слишком мала…

– Кар!

– Небольшое подспорье. Хорошо, летим, посмотрим, чем там занимаются девочка с мальчиком.

– Да… да… да… Давай, мой мальчик, давай… Еще… ну же, ну! Давай, давай, давай… Быстрее, быстрее, быстрее… Еще, еще, еще… Да, да, да… *Да! Да! Да! Ты смог!!!*

Раскрасневшаяся Ирма порывисто обняла Якоба.

Парень был гораздо более спокоен:

– Госпожа никогда не была на тараканьих бегах?

Ирма, чей таракан только что прибежал первым, завоевав ей десяток талеров, не обратила никакого внимания на отсутствие энтузиазма у Якоба:

– Смотри, сейчас они побегут еще раз. Я поставлю еще несколько монет…

– Госпожа, вы не боитесь проиграть?

Ирма немного остыла. На мгновение.

– Но ты же сам сказал, что новичкам в первый раз всегда везет?

– Да, госпожа. Но вы собираетесь играть во второй раз, госпожа.

Якоб уже жалел о том моменте, когда решил показать госпоже – как там ее зовут? – «городские развлечения». По здравом размышлении, он решил остаться с ней и не пытаться сбежать. Крестьянин вместе с дворянкой, пусть и переодетой, лучше, чем одинокий крестьянин. По крайней мере попытается защитить его от вербовщиков, если он опять на них наткнется.

Вырвавшись из-под присмотра родителей и мужа, Ирма, похоже, решила пуститься во все тяжкие. Для начала она потребовала у Якоба показать ей место «городских развлечений». Якоб, который знал, что так называют публичные дома, слегка смутился, но потом, решив, что ей все равно, что увидеть, лишь бы было необычно, отвел девушку в трактир, где устраивали тараканьи бега. Это дворянкам позволено перемещаться только под присмотром, а горожанки – народ вольный. Так как на ней к тому моменту уже было городское платье, никто не сказал бы девушке и слова.

Прошло уже два дня их совместного путешествия. Они ехали и ехали, ночевали в трактирах. Ирма нашла портниху, которая превратила мешок, который ей купил Якоб, в более-менее приличное платье.

Девушка поняла, что парень над ней просто издевался. К сожалению, она не могла выказать ему все свое недовольство, так как он строго выполнял ее распоряжения. Наконец, когда они подъехали к небольшому городку, Ирма узнала, что это последний населенный пункт перед Чернолесьем, и осознала, что либо она купит нормальное платье здесь, либо будет ехать в том убожестве, что на ней, еще неизвестное количество времени. Ирма решила отомстить Якобу за мелкое издевательство с платьями и послать его за одеждой опять, на этот раз подробно оговорив, что ей нужно:

– Крестьянин, пойди и купи мне платье. Такое, какое носят горожанки. Талия вот здесь, не меньше двадцати трех дюймов и не больше двадцати четырех. Декольте высокое, с отделкой бисером, лиф узкий, мыс треугольный. Мм… вот здесь – не меньше тридцати пяти дюймов и не больше тридцати шести. Корсаж темный, но не черный, модест – зеленая, лучше изумрудная, сатиновая, фрипон – двойная, батистовая. Рукава узкие, но не слишком, я к таким не привыкла, шлейф… хотя горожанки шлейф не носят. Без шлейфа. Все понял? Пойди и купи!

Якоб раскрыл рот. Ему не нужно было притворяться дураком, он на самом деле понял не больше половины.

– Я не смогу *это* купить…

– А где «госпожа»? Не забывай, крестьянин, я для тебя госпожа Ирма цу Вальдштайн…

Ирма уловила быстрый взгляд Якоба на палец, на котором еще недавно красовалось обручальное кольцо.

– Ну и что? Мой муж оказался мерзавцем, на брачное ложе он со мной не взошел, так что перед Богом и людьми я – незамужняя.

Тут Ирма поняла, что оправдывается перед каким-то крестьянином.

– Ты понял мой приказ?

– Да, госпожа Ирма цу Вальдштайн.

– Пойди и купи мне… то, что я тебе сказала.

– Я не смогу, госпожа Ирма цу Вальдштайн. Я не смог запомнить, госпожа Ирма цу Вальдштайн.

– Хорошо, я пойду в город и куплю все сама. Ты будешь меня сопровождать.

– Да, господа Ирма цу…

– И перестань называть меня по имени.

Ирма сообразила, что если все встречные будут слышать обращение к ней крестьянина, то ее схватят уже через полчаса. И вернут мужу.

– Да, госпожа.

В городке Ирмой было приобретено миленькое платье, разве что не зеленое, а голубое – она передумала, – и ярко-алый чепец на голову. Теперь она выглядела в точности как горожанка. Ну, если не присматриваться.

Якоб приобрел себе кожаную куртку, вроде тех, в которые были одеты мошенники в трактире. Потертую, но вполне еще годную. Ирма покосилась на покупку, но промолчала. Она сообразила, что деньги у крестьянина все же есть, но у нее были деньги от продажи кольца, да еще от выигрыша на тараканьих бегах… Пусть прячет свои жалкие гроши. Жизнь и так прекрасна!

– Почему мы остановились?

– Чернолесье, госпожа.

Якоб указал на вставшую в миле от них полосу леса. Места сосредоточения самых страшных сказок и легенд. Он не мог так сразу войти туда. Нужно было время подготовиться.

– Всадники, – прервала его размышления Ирма.

Группа в дюжину конников подскакала к повозке. Дворянские одежды, треуголки, шпаги. Якоб слез на дорогу.

– Госпожа Ирма цу Вальдштайн! – Предводитель группы, молодой дворянин с узкими усиками, в расшитом красно-синем камзоле подъехал ближе к повозке.

– А вы кто?

– Я, – предводитель спрыгнул с коня и поклонился, скинув треуголку, – Рупрехт цу Альтниколас. Мы увидели вас от леса, – он кивнул на подзорную трубу в чехле, – и подъехали встретить.

– Очень приятно, господин Рупрехт. Но я хотела бы узнать, зачем вы меня встречали.

– Как это зачем? Чтобы препроводить в столицу, разумеется. Его величество *очень* хотел вас видеть.

– Но откуда он про меня узнал?

– Его величество, – Рупрехт сделал серьезное лицо, – знает все! К сожалению, повозки для вас у нас нет. Возможно, первое время вы согласитесь проехать верхом?

– Соглашусь!

Радостная Ирма спрыгнула с повозки. Женщина в охотничьем костюме, которая ехала с дворянами, тронулась к ней, подводя лошадь с дамским седлом.

– А это что за крестьянин? Он помогал вам?

– Это простолюдин. Я потребовала, чтобы он помог мне. Заплатите ему.

Якоб поймал серебряную монету.

«Вот и расстаемся мы, госпожа Ирма цу Вальдштайн. Оно и правильно: дворянами нечего делать вместе с крестьянами…»

Якоб поклонился и повернулся к повозке…

– *Нет!!!*

Отчаянный девичий крик. Парень оглянулся. Ну чем там еще недовольна госпожа Ирма? Цу ее Вальдштайн?

– Нет! Вы не люди короля! Я тебя помню! – Ирма указывала на неприятно улыбающуюся женщину, ту, что вела лошадь. – Я тебя помню! Ты была в доме у моего мужа! Ты – вместе с ним! Вы меня обманули!

– Ну что ж, – обаятельная улыбка цу Альтниколаса исчезла, – мы хотели по-хорошему. Но раз у вас такая хорошая память, вам придется ехать связанной.

Ирма затравленно озиралась. Помощи ждать неоткуда. Вокруг – никого. Ни одного человека.

В отчаянии она закричала:

– Нет! Нет! Помогите! Помогите мне, кто-нибудь!

Один из дворян подходил к ней с веревкой в руках.

– Нет! Помогите! Помогите!

Кто может помочь в пустом поле?

Ирма от безнадежности обратилась к тому, кто помочь не мог:

– Крестьянин! Что ты стоишь?! Помоги мне! Освободи меня! Помоги-и-и!!!

Цу Альтниколас бросил Якобу еще одну монету:

– Запомни: ты нас не видел.

– Да, господин.

«Это ваши дворянские игры, госпожа Ирма цу Вальдштайн. Дворяне все время что-то придумывают, находят себе противников, устраивают заговоры, войны, восстания. Нам, крестьянам, от этого ни холодно ни жарко. Кто бы из вас ни победил – ничего не изменится. Понятно, что вы встряли в какие-то политические разборки. Но меня они не касаются».

– И убери телегу с дороги, мешает проехать.

– Да, госпо…

Якоб застыл как пораженный молнией. Молодой дворянин цу Альтниколас быстрым движением поправил прядь волос за левым ухом.

Длинную белую прядь.

Не может быть…

Якоб взглянул на другого дворянина. Белая прядь. Третий… Белая прядь. Четвертый, пятый, шестой…

Пряди были у всех.

– Она у нас! – громко произнес цу Альтниколас, ни к кому конкретно не обращаясь, и двинул коня. С недовольством заметил, что крестьянин не поторопился убрать повозку. – Убери телегу!

– Нет, господин.

Дворянин даже не понял в первый момент, что сказал Якоб.

– Что ты…

– Отпустите девушку, господин. Или я вас всех убью… – Якоб растянул губы в улыбке: – Господин.

Глава 9

– Трус! Слабак! – вырывалась из рук дворян Ирма. – Быдло! Скот! Тупая скотина! А-ах, красно-черно-зелено-белая!

– Убить? – криво ухмыльнулся цу Альтниколас и медленно, картинно потащил из ножен шпагу.

Перед ним стоял всего лишь крестьянин: в кожаной куртке, черных потертых штанах… Босиком.

Якоб пошевелил пальцами ног в пыли и протянул руку к повозке…

Девушка закрыла глаза. Зачем? Ну зачем она кричала? Зачем просила помощи у крестьянина? Теперь бедного парня просто убьют.

Послышался дикий вопль.

Ирма приоткрыла один глаз и замерла. *Такого* она не видела никогда, о таком если и писали в книгах, то только в самых сказочных сказках.

Якоб достал из повозки медный черпак, одним движением оторвал ложку от рукояти и бросил ее в лицо противнику. Альтниколас отчаянно взревел, хватаясь за лицо, как будто Якоб плеснул в него кипятком.

Парень бросился вперед, держа медную рукоять, как короткий меч.

Дружный свист выхватываемых шпаг: дворяне бросили Ирму и повернулись в сторону крестьянина.

Цу Альтниколас упал с коня и сейчас медленно поднимался, слепо нашаривая на боку шпагу. Подбежавший Якоб ударом медной рукояти в висок уложил дворянина и подхватил его лошадь.

Глаза Ирмы округлились: парень, обычный крестьянский парень, чье имя она не удосужилась узнать, с легкостью поднял коня в воздух под брюхо – бедная животина жалобно заржала – и бросил его в надвигающихся дворян.

Молотящий копытами конь пролетел шагов двадцать и снес половину нападавших, смешав их в ржущую и кричащую кучу. Якоб подскочил к одному из упавших дворян, схватил его за ногу и, взмахнув им как битой для игры в городки, метнул, выбил из седел еще двоих.

Оставшаяся четверка растерялась. Они были опытными бойцами и не замедлили бы напасть на целый отряд, вооруженный чем угодно – хоть шпагами, хоть копьями, хоть ружьями. Но как справиться с тем, кто бросает в тебя лошадей?!

Дворянам очень помогло бы огнестрельное оружие – даже самая большая сила не спасает от самой маленькой пули, – но ни у одного из них не было самого завалящего пистолета.

Якоб же не терял времени. В дворян полетело еще несколько их же товарищей, после чего парень отскочил обратно к повозке.

На дороге осталась на ногах только одна лошадь – та, возле которой стояла Ирма. Все остальные смешались с наездниками в огромную кричащую кучу.

Неподалеку от повозки лежал мертвый цу Альтниколас. Еще два дворянина сломали шеи после столкновения с летающим конем.

Осталось еще девять. И они уже поднимались на ноги.

Якоб оторвал от борта повозки толстую жердь и, размахивая ею, как гигантской дубинкой, напал на конско-людскую массу.

Жердь колотила по всему, что пыталось подняться: по людям, по лошадям… Ирме казалось, что тихий и послушный крестьянин, с которым она почти неделю ехала вместе и кото-

рого все это время совершенно не боялась, вот этот самый тихоня превратился в обезумевшее чудовище.

Якоб метался вокруг шевелящейся массы, молотя жердью по головам, телам, рукам… Ржали лошади, кричали люди. Брызгала кровь. Ирма присела, зажмурила глаза и закрыла ладонями уши, молясь всем святым, чтобы этот кошмар прекратился.

Крики затихли. Жуткая тишина нарушалась только несколькими шлепками. Девушка открыла глаза.

Вся дорога была завалена мертвыми телами. Кони, люди… И Якоб. Со сломанной, расщепленной, окровавленной жердью в руках. Удивительно, но на нем самом крови не было. Хотя почему она на нем должна быть? Видимо, Ирме вспомнились книги, в которых человек, совершивший такое убийство, непременно должен быть залит кровью.

Якоб опустил жердь на землю и поклонился:

– Я выполнил ваше приказание, госпожа.

Ирма упала в обморок.

Холодные брызги полетели в лицо. Ирма задохнулась и вскочила. Она лежала в повозке, глядя в безмятежное небо, по которому плыли облака. Ветер пах травой, в вышине пели птицы. Улыбался крестьянин. Казалось, что жуткое побоище ей просто приснилось.

Ирма бледно улыбнулась, села и взглянула на дорогу.

Мертвые люди. Мертвые кони. Кровь. Кровь. Кровь.

Девушка перегнулась через борт повозки. Ее стошнило.

– Вот, выпейте воды, госпожа.

Ирма вцепилась во флягу, как утопающий в протянутый канат. Захлебываясь, она пила воду и ее тут же тошнило опять.

– Зачем? – плакала Ирма. – Зачем ты их убил? Это же были люди, просто люди. Ты мог бы не послушаться меня, мог отдать меня им…

– Не мог, госпожа, – отрезал Якоб. – Будь это люди, отдал бы. Но это не люди.

– А кто же это тогда?!

– Это слуги Грибного Короля. А отдавать нечисти живого человека, пусть даже дворянку… Нехорошо.

– Грибной Король – это сказка!

– Грибной Король – это быль, госпожа. А это – его слуги.

– Не верю… Я тебе не верю! Ты просто ненавидишь дворян!

Якоб покрутил в пальцах медную рукоять черпака:

– Хорошо, госпожа. Давайте подождем, госпожа.

Они сидели рядом на повозке. Пели птицы, пахло летом, и если не смотреть на груду мертвецов неподалеку, то все было прекрасно.

– Ну вот, – удовлетворенно произнес Якоб, – смотрите, госпожа.

Ирма медленно повернула голову в сторону лежащих людей. И завизжала.

Мертвый дворянин, лежавший с краю, поднимался.

Не так, как это делал бы живой человек. Даже не как любое живое существо. Казалось, что он пустой внутри и теперь некая сила накачивает в него воздух. Распрямлялись руки, выпрямлялась спина. Сломанная шея становилась на место.

– Просто люди, госпожа?

Якоб спокойно подошел к дворянину, который поворачивал в его сторону мертвые тусклые глаза, и ударил в висок медной рукоятью. Дворянин упал и затих.

Зашевелились другие.

Ирма с испугом смотрела, не могла оторвать взгляд, как крестьянин обходит встающих на ноги, поднимающихся, шевелящихся мертвецов. Удары медной рукоятью, казалось,

обрывали нити, управлявшие людьми: в висок, в затылок, в сердце, в горло. Якоб походил на крестьянина, выполнявшего привычную работу – на жнеца, косаря, пахаря. Спокойно, буднично, деловито.

В висок, в сердце, в горло.

Попутно он осмотрел головы нескольких лошадей, удовлетворенно кивнул:

– Кажется, все, госпожа.

– А-а-а!!!

Одна из лошадей, та, на которой ехала женщина, чье горло парень только что проткнул своей рукоятью… Лошадь поднялась на ноги и шагнула в сторону Якоба. Парень обернулся…

Гигантским прыжком лошадь, оскалив зубы – волчьи клыки! – метнулась к парню, целясь в шею.

Чудом, только чудом Якоб успел увернуться и схватить чудовищную лошадь за уздечку. Резко крутанул – мелькнули в воздухе сбитые подковы – и воткнул в горло животного рукоять. Два раза провернул.

Ударила кровь.

Ирму стошнило. Хотя, казалось, уже нечем.

– Надо же, – спокойно произнес Якоб, – а шарука пропустил.

Он подошел к всхлипывающей девушке, аккуратно взял из ее рук флягу и отпил небольшой глоток. Пальцы Якоба чуть дрожали.

– Что это?

– Шарук. Нечисть в виде коня с волчьими зубами. Питается исключительно мясом.

– Кто будет ездить на такой твари?

Ирма вспомнила, что стояла рядом с этим чудовищем.

– Как правило, колдуны и нечисть.

– Тогда кто все эти люди?! Колдуны? Нечисть? Оборотни? Вампиры?

– Вурдалаки, – буркнул Якоб.

– Правда?!

– Госпожа, ну нельзя же настолько не знать опасностей! Вурдалаки – это живые мертвецы, они выглядят как полусгнившие трупы, не разговаривают и пожирают живых людей…

Ирму стошнило.

– …причем исключительно по ночам. Оборотни появляются только ночью, вампиры, вурдалаки. Ночь – время нечисти, не день.

– Крестьянин, – спокойно произнесла Ирма, вытирая рот.

– Да, госпожа?

– Как тебя зовут?

– Якоб, госпожа.

– Якоб, *красно-черно-зелено-фиолетовая белизна! Кто эти твари?!*

Парень поднял брови:

– Это слуги Грибного Короля, госпожа.

Якоб подошел к лежащему неподалеку цу Альтниколасу, единственному, кто не встал после смерти, повернул ему голову и указал на длинную белую прядь за левым ухом:

– Видите? Это знак Грибного Короля. Если увидите где-нибудь человека с такой прядью – опасайтесь его. Это уже не человек.

Якоб потянул за прядь. Она растянулась, волоски начали отрываться один за другим. Ирма с отвращением поняла, что это не волосы, а нечто вроде грибницы.

Проросшей в *живого* человека.

Желудок опять забился в судорогах, но уже без всякого толка. Девушка с трудом взяла себя в руки и сипло спросила:

– Что это?

Якоб бросил белую дрянь на землю и вытер пальцы. Потом потер их о рукоять черпака:

– Это грибные нити. Через них Грибной Король управляет своими слугами. Когда-то это были просто люди. А сейчас у них внутри головы все затянуто плесенью…

– Но они вели себя как люди.

– Конечно. Слуги Короля ведут себя так, как обычно. Они могут быть хорошими, добрыми, умными людьми. Но если что-то войдет в противоречие с тем, что внушил им Грибной Король… Если вы видите человека, который на черное говорит белое, если вы не можете ему ничего доказать, потому что он не хочет даже задумываться, а бездумно считает правым только себя, если он делает что-то неправильно, до хрипоты доказывая, что прав он, а все остальные – глупцы… То на всякий случай проверьте у него левое ухо. Скорее всего, это уже слуга Грибного Короля.

Ирма молчала, ей было не до особенностей поведения слуг нечистой силы. Девушку колотило. Якоб накрыл ее курткой.

– Ложитесь, госпожа, – голос парня был непривычно мягким, – вам нужно согреться и успокоиться.

Девушка сжалась в комочек и закрыла глаза. Битва и смерть врагов оказались совсем не такими красивыми, как в книге.

Она зажала уши ладонями: шорох, доносящийся с дороги, заставлял ее трястись.

Якоб закончил стаскивать тела на обочину и выпрямился. Хорошо еще, что никто не проезжал мимо. Люди редко едут через Чернолесье.

Ирма почувствовала, как качнулась повозка. Заскрипели колеса. Они поехали дальше.

Все дальше и дальше от страшного места.

Якоб остановил волов. Вот и лес…

Чернолесье.

Они стояли на границе – здесь обрывались поля и поднималась стена деревьев. Дорога четко указывала на пределы леса: утоптанная земля заканчивалась и начиналось мощеное покрытие из тесаных каменных плит.

Дорога через лес была широкой, достаточной, чтобы разъехаться и четырем таким повозкам, как у Якоба. Вправо, вдоль леса, уходила еще одна.

Обе дороги вели в столицу, только одна в обход, а вторая, мощеная, напрямик через лес. Можно было бы поехать в обход и не соваться в опасные места. Вот только преследователи – а Якоб уже понял, что за его попутчицей идет охота – тоже умные люди. И искать их будут именно на безопасном пути.

Как ни странно, самая опасная дорога для них – самая безопасная.

Парень молча смотрел на лес. Все-таки это Чернолесье: место сосредоточения самых страшных сказок и не менее страшных былей.

– Почему мы остановились? – Из-под полога выглянуло покрасневшее лицо Ирмы с красными, опухшими от слез глазами.

– Все в порядке, госпожа. Сейчас поедем.

Копыта волов застучали по плитам дороги.

– Это Чернолесье, кре… Якоб?

– Да, госпожа.

– Ты не думаешь, что те, кто меня ловит, будут искать нас здесь?

– Нет, госпожа.

Ирма зашевелилась и села:

– А эти… слуги Грибного Короля… Их здесь не будет?

Якоб помолчал:

– Как вам сказать, госпожа… Чернолесье – владения Грибного Короля.

Глава 10

– Что?! – Ирма чуть не выпрыгнула из повозки. – Эти твари хотели меня похитить, а ты привез меня прямо к ним в логово?!

– Да, госпожа.

– Поворачивай! Поворачивай!

– Послушайте меня, госпожа…

Ирма вцепилась Якобу в плечи:

– Поворачивай! Поворачивай! Пово…

Хлесткий звон пощечины. Ирма ошеломленно взялась за горящую щеку:

– Ты… Ты ударил меня…

– Успокойтесь и выслушайте меня, – жестко произнес Якоб.

Ирма затихла, глядя на парня испуганными глазами.

– Давайте рассуждать. Нас с вами встретили слуги Грибного Короля. Так?

– Т-так… – Ирма опять задрожала.

– Они хотели вас отвезти. Так? Куда?

– В столицу.

– Нет, про столицу они соврали. Значит, куда они хотели вас отвезти?

– В логово Короля?

Якоб подумал. Потом вздохнул:

– Может, и так, но мне кажется, они везли вас к вашему мужу.

– К Нордхарту?! Но зачем?

– Госпожа, вы никогда не присматривались к левому уху мужа?

Ирма подумала и перепугалась:

– Нет. Никогда. Это значит, мой бывший муж – тоже?.. Почему ты так решил?

– Не знаю, слуга ли он Грибного Короля или нет, но если бы вы понадобились Королю, то ваш муж вас бы просто отдал. Или вас похитили бы из дома. Сколько вы провели у мужа? Неделю? Успели бы.

– Так, может, они за мной ехали? К мужу?

– Нет. Они стояли на перекрестке. Потом взглянули на нас в подзорную трубу и, похоже, узнали вас.

– Эта та ведьма. Которая на клыкастом коне ехала. Она была у мужа и знала меня в лицо.

– Значит, они знали, что вы сбежали, и ждали именно вас. Значит, хотели вернуть вас мужу. Значит, ваш муж связан с Грибным Королем.

Ирма огляделась. Они ехали по мощеной дороге. А вокруг лежал лес. Логово Грибного Короля.

Хотя ничего страшного в лесу не было. Ясный день, солнечные лучи просвечивают сквозь ветки и листву, сияет изумрудная зелень травы и деревьев. Никакого ощущения, что сейчас из-за угла выскочит некое чудовище.

– А если сейчас из леса кто-нибудь выйдет? Или… выползет?

Девушка представила нечто вроде дракона, который в ее воображении, видимо, под влиянием слова «грибной» превратился в огромного серо-белого слизня, без ног, без глаз. Слизнедракон выкатывался на дорогу и, разинув огромную беззубую пасть, полз на их повозку…

– Да нет, госпожа. Дорога епископа Альбрехта – самое безопасное место для того, кого ищут слуги Грибного Короля.

Слизнедракон запищал и сдулся.

– Почему?

– Когда сто лет назад построили эту дорогу, на нее из леса слишком часто начали выползать грибные твари. Народ начал ездить в обход, но это неудобно, и теряется больше недели времени. Тогда еще не было Шварцвайсского монастыря, поэтому люди обратились к епископу Друденскому Альбрехту. Потому что Грибной Король и его отродье – нечисть очень необычная и просто молитв и святых символов не боится. А епископа Альбрехта тогда считали почти святым. Наверное, поэтому его молитвы возымели силу. Он прошел пешком всю дорогу через Чернолесье – а это сорок миль, – непрерывно читая молитвы. И теперь Грибной Король, его твари и его слуги не могут приблизиться к дороге ближе чем на десять шагов.

– Значит, мы в безопасности? Если не пойдем в лес?

– Да, госпожа.

Якоб не стал говорить о том, что слуги Грибного Короля могли нанять обычных наемников, которые просто расстреляют его с безопасного расстояния и увезут девушку. Не надо ее пугать еще больше.

Ирма поежилась и плотнее закуталась в куртку Якоба:

– Кре… Якоб. Расскажи мне, кто такой Грибной Король?

– Грибной Король, госпожа, появился в Чернолесье… да уже лет четыреста как. Сначала просто как дух леса, забавный старик с длинной бородой из грибных нитей, в широкополой шляпе…

– Я помню! – обрадовалась Ирма, почувствовав, что она все же не настолько необразованна. – Я сказки о нем слышала. Но в сказках он добрый…

– Не добрый он в сказках. Смешной, забавный, но не добрый. Сказки про Грибного Короля в основном о чем? Как он в лесу проказничает, как над людьми шутит… Ну или про то, как Грибной Король какую-нибудь глупость совершает. Но такие истории про любого короля рассказывают… – Якоб кашлянул и сбился. – В общем, нигде в сказках Грибной Король людям не помогает. Недобрый он, с самого начала недобрый. Ну а пока над ним посмеивались, Грибной Король все больше и больше сил начал набирать. Лет двести пятьдесят, как занял Чернолесье, и с тех пор люди туда ходить опасались.

– Да разве в Чернолесье люди не ходят? – не поверила Ирма.

– Ходят. И в реках купаются, несмотря на русалок. И в морях плавают, хотя там опасности пострашнее даже Грибного Короля. Если правила соблюдать, то все можно.

– Какие правила?

– От Грибного Короля две опасности: наткнуться на его тварей и стать его слугой. Лет сто как в Чернолесье незнакомые твари завелись. Тут-то люди и вспомнили, что Грибной Король хоть и необычная, да все-таки нечисть. А нечисть всегда к людям враждебна. Для оборотней и вампиров люди даже не просто пища – смертельные враги. Никогда человек с вампиром не подружится.

Ирма покраснела. Совсем недавно она читала книгу о юной девушке, влюбившейся в таинственного и мрачного незнакомца. И даже мечтала…

– Тварей у Грибного Короля много расплодилось, у каждой своя особенность и свои приметы, про всех рассказывать – ночь не спать. Нужно главное помнить…

Девушке было жутко интересно. Жутко и интересно. Захватывает дух от того, что вещи, про которые ты читала только в книгах, оказались совсем рядом с тобой. Более того, ты погружена в те самые приключения, о которых втайне мечтала. И одновременно страшно.

Страшно, потому что Ирма была все-таки умной девушкой. И понимала, что приключения бывают забавными только в книгах. А в жизни – кровавое побоище на дороге, человек, проросший грибницей, непонятные твари, таящиеся в мирном солнечном лесу.

– Твари Грибного Короля боятся меди. Если при тебе есть кусочек меди, тебя могут и не тронуть, в особенности если тварь слабая. Убить их, и слуг, и самого Короля, можно только медью, больше ничем. Еще они не любят запаха сгоревшего пороха, наверное, потому, что он пахнет серой… Грибной Король – очень необычная нечисть. – Якоб поерзал, устраиваясь поудобнее: – Правда, не со всеми тварями можно справиться, даже если ты обмотаешься медью. Главное, чтобы они на тебя не обратили внимания. Поэтому, если в лес входишь, а в Чернолесье в особенности, нельзя, чтобы на тебе было хоть что-то лесное. Ничего деревянного, ничего из кожи лесных зверей, из бересты, из оленьего рога. Еще нельзя есть перед походом в лес хлеб, квашеную капусту, пить пиво или вино. Хотя можно взять корочку хлеба с собой в лес. Положишь под куст – и тебя не тронут. Может быть.

– А как же грибы собирать? Ягоды? Дрова, наконец? Нельзя?

– Почему нельзя, можно. Твари Грибного Короля, как правило, слепые, только по запаху ориентируются. Если ничего запрещенного не чуют, то безопасно.

– И в Чернолесье грибы можно собирать?

– Можно. Но не нужно. Можно слугой Короля стать.

– А как слугами становятся?

– Слуг Король недавно начал из людей делать. Лет сто назад. Тогда начали появляться люди с белой прядью за левым ухом. Сначала никто не понимал, что это значит. Потом, когда поняли, начали на них с подозрением посматривать, мол, с чего это Грибной Король на них свою метку поставил. Но вроде люди были как люди, на них и перестали обращать внимание. А потом спохватились. Когда начали вещи странные происходить. То дети в лесу пропадут, то соседи поссорятся на ровном месте, то колодец отравленным окажется, то деревня заполыхает. Присмотрелись люди, а за каждым случаем белая прядь видна. Дети пропали – так либо слуга Короля сам их в лес отвел, либо сказал, мол, идите туда, там ягода вкусная, сладкая. Соседи поссорились, так непременно слуга что-то нашептал. Поняли тогда, что не безобидные это люди – слуги Грибного Короля. Присмотрелись – ахнули. Уже несколько деревень возле Чернолесья полностью из слуг Грибного Короля состояли. Мужчины, женщины, дети – все с белой прядью ходили. И именно из этих деревень смута пошла, крестьянские восстания тех лет, без всякого смысла, просто для того, чтобы жечь, грабить, убивать…

– Да зачем это Королю?

– Нечисть, она и есть нечисть. Лишь бы напакостить… Ну, народ тогда долго не думал. Подняли еще одно восстание, *свое*, да и выжгли те деревни, вместе со всеми жителями…

– И детьми?

Якоб помолчал. Долго.

– Детьми… Это слуги Короля. И никто не знает, как это исправить. Стать-то слугой просто…

– Как? – нарушила паузу Ирма.

– Заснуть в лесу. Съесть сырой гриб. Заснуть в помещении, где есть плесень. Съесть хлеб или что-то с плесенью. Съесть особый гриб, тут уже неважно, сырой или сушеный. Выпить вино, в котором размешан «чертов порошок»… Способов много, главное – ни один на тебя не подействует, если при тебе есть медный талисман, лучше всего ключ… – Якоб показал свою связку талисманов. – Ключа у меня нет, поэтому – держи. Он протянул Ирме шнурок, на котором висел просверленный медный грош. – Повесь на шею и не снимай никогда. То, что слуги Грибного Короля уже появились среди дворян, – плохой признак. На них теперь можно натолкнуться и в городе.

– А разве…

– Нет, раньше слугами становились только крестьяне. За несколько миль от Чернолесья никто не селится, кроме совсем уж отчаянных смельчаков.

– А барон Шварцвальд? Его замок почти рядом с лесом.

– Этот барон или очень смелый, или очень глупый.

– Не смей так говорить о дворянине!

– Да, госпожа, – наклонил голову Якоб.

Некоторое расстояние они проехали молча.

– Ты обижаешься? – спросила Ирма.

– Нет, госпожа. Крестьянин не может обижаться на дворянина, госпожа.

– Прекрати!

– Да, госпожа.

Ирма поняла, что нарушила то доверительное отношение, которое возникло после того, как крестьянин – Якоб – ее спас. Он смелый… умный…

Девушка вспомнила летящего коня.

Сильный…

– Якоб, почему ты такой сильный?

– От рождения, госпожа.

– А твой отец?

– Такой же, госпожа. Был, пока не умер, госпожа.

– А почему вы такие сильные?

Якоб ответил, не поворачиваясь:

– Крестьянам запрещено иметь оружие, госпожа. Поэтому нам приходится валить деревья голыми руками. Так мы становимся сильными, госпожа.

– Ты надо мной издеваешься?

– Нет, госпожа.

Ирма подумала, достала монетку из-за пазухи, посмотрела на нее. Хитро улыбнулась:

– А как же ты просверлил монету?

– Ножом, госпожа.

– А откуда у тебя нож?

Ирма вздрогнула: в борт повозки перед ней воткнулся кинжал.

– Забрал, госпожа.

Ирма проглотила слюну:

– У кого?

– Я не помню, как его звали, госпожа. Слуга Грибного Короля, который хотел вас похитить, госпожа.

– Ты… – Ирма задохнулась. – Ты ограбил тела? Может, еще и деньги собрал?

Перед ней тяжело брякнулся крупный, набитый битком мешок.

– Они ваши, госпожа.

– Забери их себе! – Девушка не находила себе места от возмущения.

Якоб спокойно убрал мешок с деньгами обратно. Чем сильнее обозлил девушку.

«Он еще и деньги забрал!»

Она отвернулась и закуталась в куртку. Потом задергалась, яростно выпутываясь из нее. Она, дворянка, сидит в куртке, которую носил какой-то крестьянин!

Дальше ехали молча.

– Есть новости о Рупрехте.

– Он сообщал мне, что девчонку нашли. Привез?

– Нет. Рупрехта и его людей нашли мертвыми неподалеку от границы Чернолесья.

– Всех?!

– Включая лошадей. Их просто измолотили…

– Кто? Кто?!

– Не знаю. Свидетелей не было.

– Постой, а Лени? А шарук? Тоже мертвы?

Молчание.

– Да с кем же они столкнулись? Двенадцать человек…

– Господин, в тех краях видели шварцвайсских монахов…

– Монахи? Могли. Они – могли. Или же кто-то третий…

– Удалось узнать, кто стоит за происшествием в Штайнце?

– Нет, ваше величество.

– Что говорит аббат?

– Он не может сказать точно, но в окрестностях города произошло еще нечто странное.

– Слушаю.

– У начала дороги епископа Альбрехта нашли убитыми дюжину дворян и лошадей. Убитых зверски, просто измолоченных.

– Кто это сделал?

– Неизвестно.

Пауза.

– Двенадцать человек? Сколько было против них?

– Неизвестно. Может быть, это наш противник?

– Противник? Мог. Он – мог. Или же кто-то третий…

– Все идет как должно, Берендей.

– Кар! Кар!

– Все идет как должно.

Глава 11

«Нет, ну какая наглость! Обычный крестьянин, а ведет себя, как… как свободный человек! Хам! Быдло! Землекоп!»

Ирма сидела в повозке, закутавшись в куртку – к вечеру стало холодно, – и кипела от возмущения. Молча, потому что выказывать свое недовольство вслух для этого… этого… крестьянина слишком много чести!

«А я-то, я! Разговаривала с ним, как… как с ровней. И он еще смел мне отвечать. Да крестьянин при дворянине должен смотреть только в землю и отвечать молча! А он… А он… Да он же ударил меня! Мерзавец! Крестьянин поднял руку на дворянку! Да это же виселица!»

Перед мысленным взором Ирмы появилась черная виселица, на которой мерно со скрипом покачивался Якоб. Нет, какое-то кровожадное направление приняли ее мысли…

Девушка уставилась в спину Якоба злобным взглядом. Тот на мгновение обернулся, наверное, почувствовал все ее недовольство. Ирма даже немного устыдилась.

«А он не похож на обычного крестьянина. Другие только и могут, что стоять да бубнить «да, госпожа», «нет, госпожа». А он… Он умен. Смел. Силен. Нет, это не обычный крестьянин…»

Ирма взглянула на Якоба, мысленно примерила ему длинные дворянские кудри, треуголку, камзол…

«Похож. Похож на дворянина. Наверное, незаконнорожденный сын. Интересно, он сам знает?»

Тут почерпнутые из книг идеи столкнулись со знакомой действительностью. В книгах незаконнорожденный сын, как правило, либо оставался единственным наследником, после чего принимал звание и титул и правил подданными долго и мудро, либо горел желанием вернуть свое положение, для чего сражался с законными наследниками, как один некрасивыми и трусливыми. В жизни же плоды дворянских утех так и оставались крестьянами, чаще всего не зная, кто их отец. В лучшем случае отец устраивал их в свой замок слугами или там конюхами. Признавать их не горел желанием ни один.

«Нет, наверное, все же простой крестьянин. У дворянина, даже незаконнорожденного, должны быть прирожденная грация, изящные черты лица, наследственное благородство во взгляде…»

Ирма отбросила всплывшую в памяти вереницу чистокровных дворян, не обладавших ни первым, ни вторым, ни третьим.

«Нет, не дворянин… Руки истинно крестьянские, большие кисти, мозоли, толстые пальцы… Ноги босые… Да ни один дворянин, даже незаконнорожденный, не станет ходить босиком! Нос… Нос, кстати, вполне правильной формы. Если сравнить его с клубнем, который называет носом барон цу Ротенгрюн… Может, все же дворянин?»

Якоб тем временем не обращал внимания на терзания бедной девушки. Он занимался делом.

Парень высмотрел у дороги, на безопасном расстоянии, подходящую лесину и с помощью трофейного кинжала выстрогал корявую, но замену сломанному в памятной схватке у въезда в лес борту телеги. Пробежался вдоль дороги, подбирая засохшие сучья. У дороги были оборудованы места, где можно безопасно переночевать, но там наверняка все дрова собраны, а мерзнуть всю ночь не хочется.

Якоб спокойно работал и одновременно думал. Работа руками не мешает голове.

«Дворянка, зелень красная! Вся ее сила – только в звании, а корчит из себя… Как же, обидел ее знакомого, как я посмел… А я еще разговаривал с ней, как с человеком. Надо было оставить ее слугам Короля. Сейчас бы ехал себе спокойно».

Подумав, Якоб пришел к выводу, что не оставил бы. Все существо было против того, чтобы отдать на съедение нечисти живого человека.

«Значит, когда выедем из леса, тут же оставлю ее. В ближайшем же трактире. Можно подумать, она меня к себе цепью приковала. Проснусь пораньше – только меня и видели. Посмотрим, как она без меня до столицы доберется, черно-сине-красная… Что она без меня вообще сможет сделать? Дворяне без крестьян вообще ничего не смогут. Умрут с голода. Откуда у дворян еда? От крестьян. Откуда деньги? От крестьян. Откуда солдаты в войске? Крестьяне. Крестьяне без дворян проживут, а вот дворяне без крестьян – нет. Так кто из нас важнее?»

Якоб бросил быстрый взгляд за спину. Девчонка куталась в куртку и бросала в него жалобные взгляды. Парню даже стало ее жалко.

«Ладно, помогу добраться до столицы, так уж и быть. Помеха небольшая, вроде мухи надоедливой: только жужжит, но вреда никакого. Правда, за ней охотятся слуги Грибного Короля, и можно нарваться на большие неприятности. Ну и что?»

У Якоба было еще одно соображение: слуги Короля соврали, что хотят отвезти девчонку в столицу. Значит, в столице у них могущественный враг и они предположили, что Ирма едет к нему. Так? А кто у нас в столице достаточно могуществен, чтобы быть врагом Грибного Короля? А пожалуй что и наш король, генерал Нец. Значит, если отвезти девчонку к королю – а она, похоже, к нему и собирается, – то этим будут подбиты сразу три утки.

Во-первых, Грибной Король останется без добычи.

Во-вторых, будет устроена изрядная пакость дворянам, как слугам Короля, так и тем, кто хочет вернуть Ирму мужу. А какой же крестьянин откажется втихую сделать гадость?

В-третьих, и в-главных, будет оказана помощь королю.

Насколько крестьяне терпеть не могли дворян, настолько любили короля.

Генерал Вальтер Нец стал королем десять лет назад, в тот момент, когда прервалась Новая династия королей. Самые влиятельные семьи королевства увлеченно спорили, у кого больше заслуг и древнее род, чтобы доказать свое право на трон, а корону подобрал полководец, получивший дворянское звание и титул герцога после череды побед. Поговаривали даже, что он был чуть ли не крестьянином, что только добавляло ему любви простолюдинов. Они даже называли короля вместе с его воинским званием – король генерал Нец, говоря, что королей было много, а генерал Нец – один.

Дворяне же нового короля терпеть не могли. И за то, что он был выскочкой, и за то, что те, кто выступал против него открыто, как правило, страдали от разнообразных случайностей. То засуха на полях в родовом владении, то река разольется не так и не там и смоет пару деревень, то дочки рожают неизвестно от кого. В худшем варианте противники короля гибли от несчастных случаев. За это дворяне славили короля колдуном, крестьяне же считали, что эти слухи от зависти, а королю просто везет. Почему бы и нет?

Любовь крестьян к королю служила для дворян лишним доказательством тупости простолюдинов, а также ясным свидетельством того, что самим Богом крестьянам уготована судьба беспрекословных рабов. Что это вообще за глупость: любить власть? Ни один настоящий свободный человек, коими дворяне считали исключительно себя, не будет не то что любить, просто уважать власть над собой. Истинная свобода, по мнению дворян, как раз в том и заключалась, чтобы делать все, что тебе хочется. Поэтому дворяне – свободные люди, а крестьяне – рабы.

Правда, когда крестьяне начинали вести себя так, как им хочется, – например, поднимали восстание, требуя той самой священной свободы, дворяне почему-то отказывались со слезами на глазах признать крестьян равными себе. В таких случаях дворяне жестоко подавляли волнения, заявляя, что рабы должны знать свое место, а не пытаться подняться до уровня свободных людей.

На самом деле король генерал Нец тоже не был таким уж поборником справедливости. Налоги и поборы с крестьян не снизились, а даже увеличились. И разбойники по-прежнему орудовали в лесах. Нечисть никуда не исчезла. В реках не потекло молоко, и берега не стали кисельными.

Жить не стало лучше, но жить стало легче. Больше порядка стало.

Поэтому-то крестьяне, помнившие лихую разбойничью вольницу Новой династии, когда налеты банд на городки было обычным делом, и вздохнули свободнее, когда железная рука генерала Неца разогнала все это счастье.

Негодовали только дворяне, узнавшие, что в стране есть законы и их – вот наглость! – нужно исполнять. Когда с позолоченной плахи скатились головы тех, кто думал, что титул и богатство сделают их неприкасаемыми, тогда крикуны поутихли.

Легко ли жить при жесткой власти? Смотря с чем сравнивать.

Когда начало темнеть, повозка с волами свернула к ближайшей стоянке. На всем протяжении пути Ирма видела этакие квадратные площадки, выступавшие в стороны от дороги. Оказывается, они делались специально для того, чтобы путешественники могли переночевать, не углубляясь в опасный лес. Хотя сейчас Ирме было не до особенностей дорожного строительства. Она уже час прислушивалась к урчанию в желудке и размышляла, как бы заставить крестьянина, чернота зеленой синевы, приготовить для нее что-нибудь поесть. Можно, конечно, прямо приказать, но Ирма уже приноровилась к странностям своего попутчика и подозревала, что после приказа получит на ужин нечто полусырое-полуобгорелое, а потом увидит честный-пречестный взгляд и уверение в том, что ничего другого он готовить не умеет.

Желудок взвыл, и Ирма поняла, что согласна съесть хоть живого ужа.

– Якоб, приготовь мне поесть.

– Да, госпожа.

И что, все? Никаких ехидных замечаний.

Якоб спрыгнул с телеги, крутанул в пальцах кинжал, шагнул в сторону леса и обернулся:

– Грибы будете, госпожа?

Ирма мгновенно вспомнила все рассказы о Грибном Короле и его слугах. Есть тут же расхотелось.

– Я передумала.

– Да, госпожа.

Парень вскочил обратно в телегу, сел на свое привычное место впереди повозки и, не оборачиваясь, сказал:

– Скоро будет стоянка, госпожа. Там я разведу костер и пожарю мясо, госпожа.

Ирма проглотила слюну.

Солонина выглядела серой и подозрительной, но она так аппетитно пахла, шкворча над огнем…

На стоянке остались ночевать две повозки: Якоб с Ирмой и большая телега, груженная мешками. На телеге, запряженной такой же меланхоличной парой волов, ехала крестьянская семья. Отец, мать и две дочки лет десяти.

Когда Якоб и Ирма подъехали к стоянке, крестьяне там уже обосновались, разожгли небольшой костерок, и на непрошеных пришельцев смотрели подозрительно. Впрочем, Якоб тоже не спешил радоваться встрече. Он и пожилой крестьянин, стоя шагах в пяти, внимательно осмотрели друг друга, пристально поглядели на левые уши. Ирма сама повернулась в профиль, якобы просто случайно. Еще не хватало, чтобы ее принимали за лесную нечисть или, хуже того, за служанку, пусть и Грибного Короля.

После того как принадлежность к роду человеческому была подтверждена, крестьяне расслабились. Якоб принес дров в общий костер, молчаливым жестом пригласив Ирму погреться. Та вспыхнула было, но потом поняла, что не стоит демонстрировать сейчас свое дворянское достоинство. Поэтому, ничего не говоря, подошла к костру. Правда, лицо у нее было при этом настолько недружелюбное, что жена крестьянина так и не заговорила с ней. А дочки и вовсе откровенно боялись.

Ирма ожесточенно оторвала от деревянного шампура, на скорую руку выструганного из ветки, прожаренный кусочек мяса. Якоб и Дитрих – так звали их невольного соседа – негромко разговаривали о чем-то своем, Ирма даже не прислушивалась. О чем могут разговаривать два крестьянина, что в их жизни вообще интересного? Пьянки да пляски. То ли дело дворяне, поговорить всегда есть о чем. О недавнем бале, устроенном у герцога, или о роскошном пире, который затеял веселый барон. Совсем другое дело.

– Нет, про ксенотанское зерно я только слышал, – рассказывал крестьянин. – Вообще, я думал, что это только сказки. Ты точно знаешь, что оно есть?

– Нет, уважаемый, – спокойно ответил Якоб. – Но это не значит, что оно – сказки.

«Вон для дворянки Грибной Король – тоже сказка. Однако он есть».

– Ты или лихой парень, – покачал головой Дитрих, – или круглый дурак. Но не мне тебя судить. Я ведь и сам…

Крестьянин рассказал Якобу о заморском овоще, который решил развести у себя в деревне. Мешки с клубнями как раз и ехали в повозке.

– …Один клубень сажаешь – потом с него ведро клубней вырастает. А еда хорошая, сытная. Вкус, правда, не очень, сырыми, как репу или морковку, не съешь. Но если сварить, да с маслом, да с мясом…

– Дай мне мясо, я его и так съем, без всяких хитрых овощей, – хмыкнул Якоб.

– Не перебивай старших. Где таких нахальных только растят?

– В Черном Холме.

– Это где такое?

– Да тут неподалеку. Дня два езды.

– Ага… О чем это я? Ах да, так есть овощ можно и без мяса. С огурцами, скажем, или… – Дитрих понизил голос и оглянулся, – с грибами солеными.

– Не боитесь?

– Всю жизнь бояться, так и жить некогда будет. А Король… А что Король? Главное, приметы знать, как хороший гриб от заколдованного отличить. А не знаючи, и белым грибом отравишься. С ядовитым боровиком, к примеру, спутаешь. У них же только и отличия, что ядовитый на изломе краснеет, а потом синеет, и ножка у него слишком толстая и красная. А так – белый и белый. Еще горький боровик есть, того и вовсе от белого гриба не отличишь, а и тут примета есть. Если мякоть на изломе краснеет, а шляпка снизу розовая, значит, горький, его есть нельзя. Или вот…

Судя по всему, Дитрих был отчаянным грибником. Вроде тех рыбаков, что ловят рыбу в русалочьих озерах, не боясь гнева водяных обитателей.

– Постой, а как ты, уважаемый, оброк со своего овоща платить будешь? Или у вас дворянин разными несуразностями берет?

А что, был дворянин, который со своих крестьян разные редкости требовал на оброк. Чего только ему не носили. Даже, говорят, обрывок бороды Морского Короля приносили.

– …А на рынке ты тоже по хорошей цене не продашь. Пока еще народ распробует, что его сырым грызть не надо…

– А у нас, – Дитрих хихикнул, – богатый дворянин. У него столько деревень, что у нас, к примеру, он еще ни разу не был. А управляющий… ему главное, чтобы положенный оброк собирали. А то, что мы болота давно уже осушили и распахали, ему и невдомек.

«Да, – подумал Якоб, – я за сказочным зерном еду, а Дитрих сказочный овощ на сухих болотах сажает. Чего только не придумаешь, только бы побольше себе оставить, а дворянам поменьше. А то не сеют, не жнут, а едят в три горла…»

Он глянул на Ирму, которая жевала мясо. Стараясь при этом не торопиться.

«Ну, извини, девочка, раньше никак нельзя было. Если бы мы остановились, то могли не успеть доехать до стоянки. А ночевать в Чернолесье в других местах опасно».

После ужина Якоб установил палатку. Прямо на повозке. Ирма, отчаянно зевающая, пробралась внутрь и, похоже, сразу уснула. Парень хмыкнул. Интересно, где, по ее мнению, будет спать он?

Якоб осторожно заглянул под полог. Ирма уже спала, завернувшись в куртку и накрывшись одеялом.

«Извините, ваше дворянское благородие, но на камнях спать – верный способ сойти в могилу, а спать в лесу – еще более верный».

Парень забрался внутрь и тихонько накрылся одеялом. Девушка тут же перевернулась во сне и прижалась к нему, что-то бормоча.

«Замерзла, бедняжка… Вот напасть на девчонку: и отец – мерзавец бездушный, и муж – скотина, и слуги Грибного Короля за ней охотятся. Да еще и крестьянин Якоб постоянно обижает…»

Он укрыл девушку поплотнее.

«Главное – завтра проснуться раньше ее. А то остаток дороги будет себя терзать: что ночью было и было ли что…»

Глава 12

Ирма проснулась рано утром. Оттого, что замерзла. Почему под утро всегда так холодно?

Под пологом палатки, разумеется, никого не было. Из-за полотняной стенки доносился неразборчивый голос Якоба, который, похоже, встал уже давно.

Видимо, «рано утром» для дворян и для крестьян – это два разных времени.

Ирма потянулась, всласть зевнула. Села и задумалась.

Ночью она спала крепко, даже не задумываясь, что находится посреди населенного нечистью леса. И ночью было тепло…

Память подсказывала, что во сне она, чтобы согреться, обнимала кого-то большого и теплого. Неужели…

Ирма затрясла головой. Нет, не может быть. Крестьяне, конечно, наглые, но не могла же она *обнимать* его?

Якоб бросил взгляд на закачавшуюся повозку. Проснулась наконец. Сколько вообще спать можно? Дитрих уже готов к отъезду, а она все еще спит.

Хорошо еще, подумал Якоб, что она такая соня. А то страшно представить, что бы было, если бы она проснулась и увидела, что рядом с ней лежит крестьянин.

Нет, конечно, утром они лежали спина к спине, что сложно признать попыткой домогательства, но…

Якоб задумался. Память подсказывала, что во сне он обнимал кого-то теплого и маленького.

Якоб затряс головой. Нет, не может быть. Дворянки, конечно, бесстыжие, но не мог же он *обнимать* ее?

Девушка выпрыгнула из повозки, потянулась. Огляделась.

На стоянке было пусто. Вчерашний крестьянин со своей женой уже уехал. Хорошо.

Ирма забежала за повозку по утренним делам. С опаской ступила на мягкий мох…

Нет, никакое чудовище не выскочило из-за сосен.

Довольная девушка вышла на площадку:

– Якоб, еда…

Ирма замерла.

Совсем недалеко от края стоянки, шагах в десяти, из зеленого мягкого мха торчали грибы.

Много грибов.

Короткие толстые ножки оливкового цвета, небольшие шляпки с сетчатым узором. Толпа грибов занимала полукруг длиной шагов в двадцать. Толпа?

Ирма поняла, что думает о грибах как о живых существах, собравшихся возле стоянки…

Зачем?

Вчера никаких грибов не было.

Она оцепенело смотрела на плотный ковер шляпок. Грибы, казалось, шевелились, иногда казалось, что из-под шляпок поблескивают черные злобные глазки.

– Едем, госпожа.

Ирма вздрогнула:

– Якоб, что это?

– Грибы, госпожа. – Парень пожал плечами. – Поющие грибы.

– Поющие? А почему они не поют?

– Они поют, мы просто не слышим, госпожа.

– Почему?

– Потому что мы – на дороге епископа Альбрехта, и твари Грибного Короля не могут причинить нам вреда, госпожа.

Ирма взглянула еще раз. Грибы показались ей еще более отвратными.

– А что они поют? Ну, когда поют?

– Не знаю, госпожа.

Ирма подняла брови. За время путешествия она привыкла, что Якоб знает все. По крайней мере о лесной нечисти.

– Почему не знаешь?

– Потому что те, кто слышал пение этих грибов, уже никогда не сможет рассказать, что они поют, госпожа. Они усыпляют, госпожа.

– Усыпляют? А потом?

– А потом съедают, госпожа.

Ирма быстро посмотрела на него, но Якоб не шутил.

– Это Чернолесье, госпожа. Нас спасает только дорога.

Ирма поежилась:

– Поехали быстрее отсюда.

Они начали собираться, не заметив, что позади массы поющих грибов торчит другой гриб.

Боровик.

– Господин, мы не можем найти девчонку.

– Не можете…

– Наши люди проехали всю дорогу вокруг Чернолесья, отряд наемников проскакал по дороге епископа Альбрехта. Девчонку не видели нигде.

– Наемникам уже заплатили?

– Нет.

– И не платите. Девчонка едет через Чернолесье. В компании какого-то крестьянина. Раз они ее не нашли, значит, своих денег не заработали. Если вообще искали.

– Как вы узнали?

– Мои дети оказались внимательнее и обнаружили ее.

– Но ведь они…

– А мы подождем, пока она съедет с дороги.

– А крестьянин? Вы не думаете, что это – третий?

Молчание.

– Убить.

Колеса повозки скрипели, постукивали на стыках каменных плит. Волы спокойно тащили повозку, совершенно не переживая по поводу того, что находятся в Чернолесье, где происходят странные вещи и грибы по ночам подходят к стоянкам путешественников.

Якоб следовал примеру волов. Разве что иногда еле заметно морщился, когда несмазанное колесо взвизгивало особенно противно.

У Ирмы, напротив, по спине пробегали мурашки. Яркий солнечный свет, в котором сияли стволы сосен, не успокаивал, а теплый ветерок, посвистывающий в хвойных кронах, просто пугал – девушке казалось, что это перешептываются невидимые преследователи. Не отпускало чувство, что кто-то очень злой смотрит ей в спину, прячась, как только она повернется.

Девушка ошибалась. На них не смотрели.

Их слушали.

В десяти шагах от дороги, почти у самой невидимой границы, отделяющей владения людей и владения Грибного Короля, зашевелился мох. Он вспучился зеленым бугорком, лопнул. Выросла и развернулась воронка гриба. Небольшого, с детскую ладошку. Если бы он был оранжевым – назывался бы рыжиком, розовым – волнушкой…

Гриб был ярко-лиловым.

Воронка шевельнулась, наклонилась в сторону дороги. Еле заметная волна пробежала по краям шляпки.

Гриб вслушивался.

Как и десятки ему подобных, выраставших вдоль дороги.

Скрип… Скрип… Скрип… Скрип…

Колесо… Колесо… Колесо… Колесо…

Стук… Стук… Стук… Стук… Стук…

Копыта… Копыта… Копыта…

Повозка… Повозка… Повозка…

Свист… Свист…

Дыхание… Дыхание… Дыхание… Дыхание…

Спокойное… Спокойное… Спокойное…

Второе… Второе… Второе…

Испуганное… Испуганное…

Девушка… Девушка… Девушка… Де…

Усмешка.

– Она в лесу. Едет в повозке по дороге.

– Будете вызывать отряд слуг?

Пауза.

– Подождем. Может быть, их успеют перехватить мои дети.

– Но дорога…

– Дорога не помешает. Хотя… Мои дети могут и не успеть. Попробую вызвать Подземника, но он не высунется за переделы леса. Если они уйдут, поднимем слуг.

Повозка остановилась так резко, что Ирма чуть не ткнулась в спину Якоба.

– Что случилось?

– Дорога кончилась, госпожа.

Ну так почему мы стоим? Кончилась дорога, значит, мы выбрались из этого жуткого леса. Ирма выглянула через плечо парня и все поняла.

Дорога кончилась. А лес – нет.

От последней каменной плиты до места, где заканчивались деревья и начиналось поле, огромное открытое пространство которого вызывало облегчение одним своим видом, было совсем недалеко: шагов тридцать – сорок. Но Ирма поняла, в чем трудность: эти тридцать – сорок шагов придется сделать по земле, которую не защитили молитвы святого епископа.

– Почему? Ведь ты же говорил, что епископ прошел по дороге до самого конца.

– Лес, госпожа. Он вырос, госпожа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.